

Виктор Балена

ЗАКОН КИТОБОЯ

Виктор Григорьевич Балена

Закон Китобоя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72747778

ISBN 978-5-908037-24-2

Аннотация

«Закон китобоя» – «мистическая реальность» из романа Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит». Согласно закону, «рыба на лине принадлежит владельцу лinya, и ничья рыба принадлежит тому, кто первый сумеет её выловить».

Герой романа Егор Петров переживает вместе со страной тяжкое бремя перестройки. Собственная судьба напоминает ему участь пророка Ионы. Оказавшись вдали от Родины, он словно бы совершает переход от жизни к смерти. Но надежда на воскресение теплится в сердце. Стоит жить!

Содержание

К читателю	6
Книга первая	8
Глава первая	9
Глава вторая	34
Глава третья	74
Глава четвёртая	112
Глава пятая	143
Глава шестая	171
Конец ознакомительного фрагмента.	176

1. Рыба на Лине принадлежит владельцу лия.
2. Ничья Рыба принадлежит тому, кто первый сумеет её выловить.

*Г. Мелвилл. Моби Дик, или Белый Кит.
Гл. LXXXIX*

«Собственность — половина закона»? — то есть независимо от того, каким путём данный предмет стал чьей-то собственностью. Но часто собственность — это весь закон, а не половина.

*Г. Мелвилл. Моби Дик, или Белый Кит.
Гл. LXXXIX*

...когда впоследствии другой джентльмен вторично загарпунил её, леди перешла в собственность этого последующего джентльмена вместе со всеми прочими гарпунами, какие бы в ней уже ни торчали.

*Г. Мелвилл. Моби Дик, или Белый Кит.
Гл. LXXXIX*

Виктор Балена Закон китобоя

© Виктор Балена, 2025

© Издательский дом «BookVox», 2025

Выражаю мою любовь и благодарность за поддержку и участие протоиерею Димитрию Рошину, руководителю Управления синодального отдела по работе с общественными организациями, настоятелю церкви Николая Чудотворца на Трёх Горах, и Максиму Цыпляеву — основателю и президенту компании Comindware.

Дорогой батюшка, отец Димитрий! Дорогой Максим! Спасибо. Люблю вас.

Храни Христос.

К читателю

Если мне не удалось кого-нибудь здесь обмануть, так это себя самого, потому что правда – это такая годами накапливаемая ересь, которая однажды вырывается из-под спуда и безудержным потоком несётся, словно сель, уничтожая на пути следы минувшего.

«Мы не знакомы со своими далёкими предками и потомками, и точно так же мы не знаем предков и потомков романа. А ведь романы имеют не только своих предшественников, но и своё потомство, своих сыновей и дочерей, своих праправнуков»¹.

Роман «Закон китобоя» – правнук «Моби Дика»², изрядное преувеличение событий, которые происходили на самом деле; возможно, не в таком порядке и не в той последовательности, но опираясь на «закон», всякое последующее поколение, как и роман, открывает свою правду и создаёт свою историю – лживую и фальшивую, замешанную на опыте своих «сыновей и дочерей».

«Для книг кровной и молочной связью является язык, он подобен закону в государстве, но в то же время и закон, и язык надо понимать весьма условно, подразумевая под ними

¹ М. Павич. Роман как держава.

² Г. Мелвилл. Моби Дик, или Белый Кит.

в первую очередь смысл, который может менять свой ритм и звук и сам меняться вместе с ними»³.

Язык «потомка» хоть и разнится с языком «предка», оба отвергают и закон, и господина, уповая только на Господа Бога своего и на отечество его небесное.

³ М. Павич. Роман как держава.

Книга первая

Головокружение

1. Рыба на Лине принадлежит владельцу лinya.

2. Ничья Рыба принадлежит тому, кто первый сумеет её выловить.

Г. Мелвилл. Моби Дик, или Белый Кит. Гл. LXXXIX

«Собственность – половина закона»? – то есть независимо от того, каким путём данный предмет стал чьей-то собственностью. Но часто собственность – это весь закон, а не половина.

Г. Мелвилл. Моби Дик, или Белый Кит. Гл. LXXXIX

...когда впоследствии другой джентльмен вторично загарпунил её, леди перешла в собственность этого последующего джентльмена вместе со всеми прочими гарпунами, какие бы в ней уже ни торчали.

Г. Мелвилл. Моби Дик, или Белый Кит. Гл. LXXXIX

Мы уже не верим, что уход от зла непременно есть благо, ибо очень и очень он может быть простым попустительством злу. Мы на своей шкуре узнали, что нынешнее зло никогда не взойдёт завтра тучным благом. Этому нас научили последние две тысячи лет. Но они научили нас и тому, что нынешнее благо очень легко может

Глава первая

о том, как всё начиналось, как однажды вечером Митя ждал отца и не мог расстаться с любимой книгой и как воспоминания перехлестнули через край. Оказывается, за любовь, так же как при смене карт в покере, надо платить, тем более если парикмахер и повар – подходящая пара

1

Эта история началась давно, в 80-е годы прошлого века. Трудная, запутанная, она, кажется, не имеет ни начала, ни конца. Возьми из памяти любой эпизод и собирай по лоскутку, терпеливо, неспешно картину минувшего. Начать хотя бы с того, как однажды поздно вечером маленький мальчик Митя ждал возвращения отца и не мог расстаться с любимой книгой о Белом Ките. Гигантский Белый Кит завораживал. Митя часами мог рассматривать картинки, читая под ними цитаты из романа Германа Мелвилла «Моби Дик». Неожиданно в комнату вошла мама, забрала книжку и выключила свет.

– Мамочка, почитай мне стихи, – взмолился Митя.

– Нет, сынок, спокойной ночи.

– Ну, пожалуйста.

– Нет, – строго сказала она.

– Папа не пришёл?

– Нет, не пришёл.

Наташа позвонила мужу, спросила, когда ждать. По голосу поняла, что у него опять проблемы, лучше бы не звонила.

– Митя спит? – не сразу отозвался муж.

– Ждёт тебя.

– Скоро буду, – буркнул и бросил трубку.

Борис Борисович Плоткин, попросту Беба, занят был неприятной процедурой «вымогательства» с криминальным авторитетом и рэкетиром по кличке Симпа. Беседа шла неровно, Симпа с интересом наблюдал, как Беба с трудом вырывается из простой, казалось, ситуации. Неожиданный звонок из дома не придал ему бодрости.

– Беба, брось, Натаха – твоя законная жена, так что не дёргайся. К прошлому возврата нет, – засмеялся Симпа.

Борис Борисович смутился.

– Мне кажется, – тихо произнёс он, – ты мог бы конкретнее сказать, чего от меня хочешь. Тогда мы сможем обсуждать детально эту проблему.

– Вот ты как заговорил, – ехидно заметил Симпа. – Да, ты и вправду стал бизнесменом. Рассуждаешь так, как будто и в самом деле никому ничего не должен.

– Я никому ничего не должен, – повторил Беба.

– Ты так думаешь?

– Я никогда и никому не был должен, – голос зазвучал твёрдо.

Звонок из дома на самом деле приободрил Бебу, он словно бы очнулся, впервые вспомнил о семье только теперь, после Наташиного звонка.

– Я никому не должен, – повторил он, – в том числе и тебе. Наши отношения осложнены, я бы сказал, моральными принципами.

– Моральными принципами? – переспросил Симпа. – Ты трахнул мою девушку, женился на ней и называешь это «моральными принципами»? Ничего не путаешь?

– Во-первых, я за всё заплатил и впредь платить не отказываюсь.

– А, так хочешь говорить о старых долгах и о прошлых ошибках. Ох, не любишь ты меня, Беба. А ведь мы друзья. По крайней мере, были когда-то. Да, времена изменились. Деньги сегодня не столько значат. Я ведь мог бы брать с тебя намного больше, но этого не делаю, и вовсе не из любви к тебе. Ты догадываешься, почему я этого не делаю?

– Мы уже говорили об этом, и я готов платить больше. Но твоим партнёром в бизнесе не буду.

Симпа с ненавистью смотрел на Бориса Борисовича.

– У меня проблемы. Я нуждаюсь в деньгах, но ещё больше я нуждаюсь в твоём расположении. Ты же отказываешь мне, будучи, по сути, моим должником. Не пожалеть бы, друг мой

Беба.

Встреча оборвалась внезапно. Симпа уехал ни с чем. Оба торопились. Каждый возвращался в свою жизнь.

Воспоминания перехлестнули через край, и каждый вспоминал по-своему прожитую, одну на двоих, молодость.

Жили рядом. Учились в одной школе. Играли в регби в одной команде. Беба поступил в кулинарное училище, Симпа хулиганил. Беба учился готовить, Симпа совершенствовал бандитские навыки. Беба стал шеф-поваром в ресторане. Симпа – главарём бандитской шайки.

Симпа вспомнил, как в пору советского дефицита они, тогда ещё мальчишки, обманули узбека, который продавал платки. Завели его во двор, где шёл снос старых зданий, подвели к двери с почтовым ящиком и велели ждать. Через мгновение появилась в дверях женская голова. Женщина взяла чемодан с платками и сказала, что сейчас вынесет деньги. Узбек ждёт. Денег никто не несёт. Начинает стучать в дверь. Никого. Тихонько толкает дверь и оказывается в соседнем дворе, где работает экскаватор. От дома осталась только одна стена. Симпа надеялся, что с Бебой они пойдут одной дорогой, но вот не вышло, разминулись.

Симпа вспомнил, как однажды во время игры сломал ногу. Дня не проходило, чтобы Беба не навестил друга в больнице. И вот как-то раз вошёл он в палату и увидел там девушку, которая плакала.

– Я, может быть, подожду... – стушевался Беба.

– Останься, – грубо оборвал Симпа. – Она уходит.

– Вы на машине? – неожиданно спросила девушка.

Беба только что купил подержанную «трёшку» и страшно гордился, что он теперь на колёсах. Назвать свой драндулет машиной у него не поворачивался язык.

– Вообще-то да, – промямлил он.

– Это твой друг? – спросила девушка.

– Он мой друг, – ответил Симпа.

– Пусть отвезёт.

– На такси доедешь, – злобно зарычал Симпа.

Девушка расплакалась и выбежала из палаты.

Симпа как-то странно тогда посмотрел на Бебу и тихо сказал:

– Ладно, подбрось её.

В этот день пути их разошлись навсегда.

В вестибюле Бебу ожидал сюрприз.

«Это была первая в моей жизни девушка, которая меня ждала, – вспоминал Беба. – У неё была такая улыбка, что можно было потерять голову. И я её потерял».

– Наташа, – сказала она и протянула руку.

– Беба, – ответил он и посмотрел на протянутую руку так, словно ему предлагали нечто совершенно необычное, предлагали вроде бы только из вежливости, и он тоже только из вежливости согласился.

– Это кличка или тебя так зовут? – спросила Наташа, пе-

реходя на «ты». Ей было уютно с этим увальнем. Захотелось к нему прижаться, заплакать и никогда не расставаться.

– Моё имя, – ответил Беба, – но по паспорту я Борис.

– Чем ты занимаешься, Боря? Кроме регби, разумеется.

– Я работаю в общественном питании, – ответил Беба, совершенно смутившись.

– Ты повар? – удивилась Наташа.

– Я повар, – ответил честно Беба.

Он сказал правду, потому что врать девушке Симпы глупо. К тому же он был уверен, что видит её в последний раз.

– А я парикмахерша, – представилась Наташа. – Ты любишь готовить?

– Нет, – твёрдо ответил Беба.

– А я очень люблю готовить, – сказала Наташа. – Поехали... – не то спросила, не то приказала она, и Беба понял, что Наташа хочет провести с ним время, и сразу как-то успокоился.

В принципе, он не имел возражений против того, чтобы отдохнуть с красивой проституткой, но не с девушкой Симпы. Беба не хотел неприятностей. Он решил отвезти Наташу домой и мирно расстаться.

Они сели в машину, и Беба вполне дружелюбно сказал:

– Не знаю, куда ты там собралась, но я отвезу тебя домой.

– Я подумала, что повар и... – Наташа растерялась. Она так разозлилась, что хотела сказать «проститутка», но не осмелилась и даже испугалась, что могла вдруг открыться

парню, которого уже начинала любить. – И парикмахер, – уточнила она, – могли бы вместе провести время вне рабочей обстановки.

У неё в глазах стояли слёзы. Беба впервые видел столь близко такое красивое лицо. Девушка настроена была решительно. Она готова была унижаться и кланяться, только бы он взял её с собой.

«Что бы я ей сейчас ни сказал, она не отступит», – подумал Беба.

– Я как раз хотел пригласить тебя поужинать, – сказал он. А сам подумал: «За одни такие мысли Симпа отрежет мне уши и прибьёт их на двери ресторана, в который я с ней войду».

– Ты такой добрый? Так легко согласился? Не боишься? – спрашивала Наташа.

«Конечно, боюсь», – хотел закричать Беба. Но промолчал. – Поехали, – сказала Наташа.

«Что я мог ей на это ответить? Кто я такой, чтобы спорить с красивой женщиной? Она была так хороша, что я не знал, куда деваться. И мы „поехали“. Мы сходили с ума от любви. За те три недели, что Симпа лежал в больнице, мы прожили целую жизнь. Никто из нас ни разу его не навестил. Мы даже о нём не вспомнили, хотя и никогда о нём не забывали. Мы знали, что друг без друга нам больше не прожить. И нужно было решать, как быть с Симпой».

Вскоре Наташа получила от Бебы золотое колечко с брил-

лиантом.

– Ты делаешь мне предложение, Беба? – опережая события, спросила Наташа.

– Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж, – уточнил Беба.

– Это предложение от «шефа» самое лучшее, какое только может быть, – ответила она и подумала: «Это мой „повар“ – такой, какой нужен, и я его получила».

Как только отец показался на пороге комнаты, Митя воскликнул:

– «Фонтан на горизонте, сэр!»⁴

Беба обнял сына.

– Папочка, почитай, пожалуйста.

Беба вздохнул и, открывая книгу, сказал:

– «И сотворил Бог больших китов...»⁵

Настроение скверное, не до чтения было, но, чтобы Митя поскорей заснул, он тихонько начал читать:

– В стихии водной подо мной мелькали,
Резвясь, играя иль сцепившись насмерть,
Морские твари всех цветов и видов,
Каких язык не в силах описать.
И ни один моряк не видел в жизни,
От страшного Левиафана до ничтожных
Мирьядами кишаших насекомых,

⁴ Неточная цитата из книги Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит».

⁵ Г. Мелвилл. Моби Дик, или Белый Кит.

Что в каждой плавают солёной капле.
Послушные таинственным инстинктам,
Они свой путь находят без ошибки
В пустынном океанском бездорожье,
Хоть всюду их враги подстерегают:
Киты, акулы, гады, чьё оружие —
Меч, и пила, и рог, и гнутый клык.⁶

Митя засыпал. Беба перестал читать, просто сидел и смотрел на сына, вспоминая, как пришёл к Симпе и рассказал о них с Наташей.

– Ты хорошо сделал, что рассказал, – оценил откровенность друга Симпа. – Наташа красивая девушка, но она проститутка. Надеюсь, у вас ничего серьёзного? Жениться на ней ты не собираешься?

– Я собираюсь жениться, – ответил Беба.

Симпа рассмеялся.

– Я, оказывается, совсем не знаю тебя. Ты рискованный мальчик. Очень рискованный. И смелый. Что ж? Это твоя жизнь, а я делаю тебе деловое предложение. Согласен работать?

– Согласен, – ответил Беба.

– Ты даже не спросишь, на каких условиях? Продолжаешь играть втёмную. Не боишься?

Беба не ответил.

– Будешь отдавать всё. Жить на одну зарплату, согласен?

⁶ Г. Мелвилл. Моби Дик, или Белый Кит. (Монтгомери Джеймс (1771–1854). Мир накануне потопа).

– Нормально.

– У тебя будет небольшая зарплата.

– Сколько времени я буду работать на этих условиях? – поинтересовался Беба.

– А сколько ты спросил бы с человека, который у тебя украл?

– Разве я у тебя украл?

– Ты увёл мою девушку, – ответил Симпа.

– Я готов заплатить, – сказал Беба. – Сколько?

– Как ты думаешь, год будет нормально? – спросил Симпа.

– Думаю, нормально, – ответил Беба.

– А два года за то, что украл у друга подругу?

– Нормально...

– А три года?

– Три? Пусть будет три.

– Что скажешь насчёт четырёх лет?

– Думаю, этого будет достаточно.

– Думаешь, достаточно? А я так думаю, что и пяти недостаточно.

– Скажи, сколько ты хочешь?

Симпа готов был назвать какую угодно фантастическую цифру, лишь бы Беба сломался. Но не решился. Беба мог не принять условий.

– Семь лет! – определил он окончательно.

«Я согласился, – вспоминал Беба, – с меня взыскивался дополнительный налог на любовь в виде имущественного об-

рока. Это было здорово! Я был счастлив. От любви у меня кружилась голова. Мне так повезло в жизни, что за это непременно надо было заплатить. Пусть даже Симпе. Какая разница. За любовь я всегда готов платить».

Вечером за ужином Беба рассказал Наташе о встрече. Разговор был тяжёлый и не клеился.

– Что нам делать? – спрашивала жена.

– Не знаю, – отвечал Беба.

– Может, согласиться?

– Стать его управляющим? Он будет грабить, убивать, а я через ресторан бабки буду для него отмывать? Не пойдёт.

– У нас серьёзные неприятности, Боря, – говорила Наташа.

Борис Борисович отмалчивался.

– Давай уедем, Боря, – вкрадчиво предложила Наташа.

– Уедем, потерпи. Я уже билеты заказал.

Они собирались в Крым.

– Давай совсем уедем.

Беба не ответил. Наташа заплакала.

2

За столом под зелёным абажуром шла игра в покер, на деньги, разумеется, немалые. Симпа благополучно одолжилась у одного жулика Скороходова и в этот вечер непременно собирался отыг-раться.

Игравших было четверо. Симпа и Треф, карточный шулер, сидели напротив друг друга. Двое неизвестных, по виду солидные и состоятельные, полные, круглолицые любители карточной игры, отличительной особенностью которых было лишь то, что на голове одного была копна чёрных волос, а на голове другого абсолютное их отсутствие. Попросту говоря, один был лысый, а другой – брюнет.

У брюнета был простой стрит. Он важничал, делал вид, что сомневается, начинать ему игру или нет. Наконец, сбросил карты и сказал:

– Пас.

– Пас, – отозвался Симпа.

На картах у него была тройка валетов.

– Пас, – отозвался лысый, имея на руках тройку королей.

Треф улыбнулся и посмотрел в свои карты. На них было дамское каре. Он вздохнул, взглянул на партнёров и сказал:

– Пас.

Игроки доставили в банк, который и без того выглядел внушительно, а теперь это была просто гора из денег. Брюнет распечатал новую колоду и раздал карты. Игроки, каждый на свой манер, стали приоткрывать уголки карт, рассматривая комбинацию. Но как ни старались они закрыться от «невидимого взора», всевидящее око телекамеры заглянуло в карты, и сканер вывел на монитор изображение таким образом, что одновременно в каждом из четырёх квадратов на экране отобразилась карточная комбинация.

– Стрит слева, тройка справа. У Симпы флеш-рояль, – диктовал оператор.

Треф всё это слушал через крохотный наушник. В комнате, нафаршированной электроникой, шла «своя игра», вернее, продолжение той, что существовала в реальности под зелёным абажуром. Парни, ассистенты Трефа, были профессионалы и в игре разбирались не хуже, чем в премудростях электроники. Они припали к экрану и затаили дыхание. Слово было за Симпой.

«Жизнь похожа на смену карт в покере, – размышлял он. Встреча с Бебой не давала ему покоя. – Сбрасываешь хорошие карты, чтобы прикупить ещё лучшие, а в прикупе... Что бывает, когда карта не пришла, Беба?»

Он сделал ставку и объявил серви.

Это означало, что карты он не меняет.

– Зацепились! – выкрикнул один из ассистентов.

– Есть! – закричал другой.

– Открой пивка! Давай, Треф! Давай!

Напарник бросился к холодильнику и достал холодное пиво.

На столе стали менять карты.

Лысый поменял две карты и к тройке королей прикупил две восьмёрки. Брюнет сбросил целых четыре карты и к тузу пик, на удивление, прикупил два туза и два валета. У Трефа на руках было каре из десятков. Ему предстояло менять одну карту. Он сделал обмен так виртуозно, что нельзя было

заметить, как карта из прикупа скрылась в рукаве, а другая, спрятанная под крышкой стола, появилась в руках. Теперь у игроков были почти равные шансы, если вообще о равенстве в покере может идти речь.

– Фуль слева, фуль справа, – передал ассистент. – У Симпы флеш-рояль.

– Здесь, по-моему, если не ошибаюсь... – начал было Симпа.

– Семьдесят, – раздался голос.

Неподалёку от стола сидел пожилой человек и внимательно следил за игрой. Он курил огромную сигару. Это, кажется, не всем нравилось, но Викентий Эммануилович был вроде арбитра, и никто возразить не осмеливался.

– В банке семьдесят тысяч, Симпа, – уточнил Викентий.

– Добавлю пятнадцать, – сказал Симпа.

– Да, – ответил брюнет.

– Согласен, – сказал лысый.

Все они поставили на банк по «кирпичу» денег.

– Пятнадцать и пять сверху, – сказал Треф.

Брюнет и лысый молча добавили по пятёрке.

– Пять и десять сверху, – ответил Симпа.

Повисла тяжёлая пауза. Слово было за брюнетом. Он pokrылся испариной, пыхтел и отдувался, не мог поверить, что вынужден выйти из игры.

Напряжение передалось ассистентам Трефа. Они не сводили глаз с экрана.

– Меня тёща ненавидит, – сказал один. – В больнице лежит, на ладан дышит, а столько ненависти. Вчера спрашивает: «Скажи, Саша, кто ты?» – «Программист», – отвечаю. «По-старому это кто будет?» – «Вроде бухгалтера или счетовода», – говорю. Она глаза закрыла и говорит: «Значит, вор».

– Пас, – сказал брюнет.

Он налил в стакан виски и залпом махнул.

Настала очередь лысого. Он смотрел на кучу денег и словно прощался с ней.

– Моя знает только, что я простой инженер, – поддержал напарник «программиста». – «Вы, – говорит, – должны жить лучше, чем мы жили». Жалеет меня. Каждый месяц даёт мне полтинник на расходы.

– Пас, – сказал лысый, не сводя глаз с денег.

Симпа был уверен, что возьмёт банк. Деньги у него кончились, но он знал, что Треф не будет безумствовать, уравнивает ставку и вскроется.

Но в картах, как и в жизни, случаются неожиданности. Треф набавил.

– Дал десятку и сорок сверху, – ответил Треф.

Симпа не поверил своим ушам. Он понял, что попался.

– Наличных у меня больше нет. Дам расписку.

– Мы договорились, Симпа, ты сам так хотел, никаких расписок, – ответил Треф.

– Я хочу вскрытия! – закричал Симпа.

– Пусть даст расписку, – сказал Викентий и выпустил ко-

лечко дыма.

Симпа оторвал от пачки сигарет кусок картонки, написал на ней «40» и поставил закорючку.

Треф взял расписку, внимательно её рассмотрел, как будто это был заполненный по всем правилам банковский чек, которого он отродясь в глаза не видел, и бережно положил к себе в бумажник.

Симпа открыл карты. Там, как мы видели, был флеш-рояль.

– О, это очень хорошо, – сказал Треф, – очень хорошие карты.

Голос у него упал, и он печально посмотрел на свои карты. Он так правдоподобно разыграл Симпу, что тот поверил в свой выигрыш. Лицо у него озарилось радостью победы, и он взвизгнул, потом зашипел, как старая патефонная пластинка, а затем закричал:

– Ка-р-ты на сто-о-л!

Треф бросил на стол четыре десятки. Сверху на них лёг джокер.

Симпа не мог поверить. На нём лица не было. Он так расстроился, что, казалось, постарел на целую ночь.

3

На следующий день в полдень два бандита пришли в ресторан с парнем интеллигентного вида с портфелем и без

всякого вступления изложили свою просьбу прямо в зале, не стесняясь обслуги:

– Слышь, Боря, Симпа сказал, что ты в курсах и посылает тебе этого с портфелем, чтобы уладить дела, так что пошли, сразу и порешим. Лады?

Беба ещё не отошёл от вчерашнего наезда Симпы – и вдруг такое. У него помутнело в глазах и заложило уши, словно он опустился под воду. И там, достав дна, оттолкнулся, пошёл наверх.

Они шли по коридору. Беба впереди, бандиты с юристом позади. Беба шумно выдыхал воздух – так делает кит, когда вынырнет с глубины, выбрасывая фонтаны воды.

– Слушаю вас, – сказал Беба, когда дверь в кабинет за бандитами закрылась.

Парень поставил на стол портфель и стал доставать из него бумаги.

– Нам предстоит процедура перерегистрации предприятия в связи с изменениями состава учредителей и новыми условиями договора. Документы я подготовил, так что вам нужно только поставить на них ваш автограф. Ознакомьтесь подробно, я думаю, можно после, чтобы сейчас не отнимать у вас времени. Перерегистрация займёт два-три дня, и приготовьте, пожалуйста, печать. Она больше вам не понадобится.

Беба выдвинул ящик стола и достал ключ от сейфа.

«Что будет с Наташей и Митей, ты подумал?» – спросил

он себя, открывая сейф. Там рядом с деньгами лежала печать и браунинг.

«Ладно, Симпа, – подумал про себя Беба, – ты сам предложил такую игру. Посмотрим, что в прикупе». И он вытащил из сейфа браунинг.

– Вот мой ответ, – сказал он и навёл пистолет на бандитов. – Валите отсюда, пока я вам бошки не продырявил.

– Сынок, собери свои бумажки, мы уходим, – сказал бандит юристу.

Юрист в одно мгновение собрал бумаги в портфель. Компания поспешно удалилась.

Беба налил коньяку, выпил и позвонил Наташе.

– Митя с тобой?

– Он только что пришёл из школы, – ответила Наташа.

Она поняла, что случилось что-то, но ни о чём не стала расспрашивать.

– Никуда не выходите, – сказал Беба. – На звонки не отвечайте. Я еду.

Наташа выглянула в окно и увидела, как во двор въехала машина. Из неё вышли трое подручных Симпы. Они достали из багажника какой-то агрегат и скрылись в подъезде. Сейфовых замков на входных дверях тогда не было, так что бандиты уже через минуту были у порога квартиры. Один начал настраивать агрегат, другой принялся вырубать кайлом бетон под порогом. Грохот стоял такой, что, казалось, рушится дом.

– Митя, иди, пожалуйста, к себе в комнату и закрой дверь на ключ. Откроешь, когда я позову.

Митя сделал, как велела мама.

Металлическая дверь дрожала под ударами, с потолка сыпалась штукатурка. Наташа металась по квартире, как испуганная птица, не находя укрытия.

Когда лунка под дверью была готова, бандиты подсунули туда металлические «лапы». Автомобильным насосом подняли давление в масляной камере, и самодельный домкрат пришёл в движение. Обитая листовым железом дверь, приподнимаясь, потихоньку стала сползать с петель. Металл гнулся и отвратительно скрежетал. Услышав эти жуткие звуки, Наташа словно очнулась. До неё наконец-то дошёл неотвратимый смысл происходящего. Она вытащила из платяного шкафа коробку из-под обуви, достала завёрнутый во фланелевую сумочку макарон. Дверь ползла вверх, в просвете уже виднелись ноги бандитов. Наташа приготовилась стрелять. Не хватило совсем немного, чтобы смятая в гармошку дверь соскочила с петель. Бандиты вдруг прекратили качать, спустили воздух из агрегата и вошли в лифт. Напоследок, перед тем как смыться, один из них поджёг кусочек шнура и опустил в бензобак Наташиных «жигулей», стоявших неподалёку. Бандиты уехали, а Наташа всё ещё вслушивалась в тишину за дверью, продолжая сжимать в руках пистолет. Взрыв вывел её из оцепенения. Она побежала на кухню и выглянула в окно. Во дворе, охваченная пламенем, горела

Беба никогда, ни при каких обстоятельствах не изменял привычек. Два раза в неделю он играл со спарринг-партнёром в теннис на кортах спорткомплекса ЦСКА. Тренер, совсем юный паренёк, подбрасывал то справа, то слева, делал замечания, когда на трибуне появился человек в бежевом плаще. Он сел и стал наблюдать за игрой. Беба почувствовал скованность, настроение как-то скисло.

– Давай закончим, что-то устал, – сказал он партнёру.

В раздевалке достал из сумки браунинг и положил рядом в душевой на полку. Он делал так всегда из предосторожности, ожидая от жизни любых превратностей. Дверь оставил открытой, чтобы видеть, если кто войдёт. Долго мылся, обдумывая предстоящую беседу.

«Обыкновенный мент», – подумал Беба, когда вышел на улицу.

Следователь непринуждённо опирался на капот его белой «Волги» и улыбался.

– Живут же люди, Борис Борисович, я себе так вот думаю, – заговорил следак, – им всё нипочём. Ничем их не проймёшь. Случай, например, такой: машину у одного взорвали, сгорела она к фиговой маме, а он и глазом не моргнул. В теннис поигрывает. Хорошо, кстати, играете, приятно

на вас смотреть.

– Спасибо, – поблагодарил Беба. – Кто вы?

– Юрьев, следователь по особо важным делам управления МВД СССР.

– Управлению по особо важным делам заняться больше нечем, как только сгоревшим автомобилем?

– А нас интересуют не сами машины, а люди, то есть владельцы этих стальных исполинов.

– Слушаю вас, – прервал красноречие следователя Беба.

Юрьев понял, что лирическими разговорами такого бугая не прошибёшь, и решил ударить по самолюбию.

– Представьте, что вы, честный советский кооператор, пытаетесь жить трудовыми доходами. Не святой, конечно. Вы не ждёте, пока пробудятся от спячки одурманенные социализмом массы трудящихся и в порыве энтузиазма волеются в бурный поток перестройки. Вы уже сегодня зашибаете такие деньги, что многим такое и представить невозможно. Вдруг некто грубо посягнул на ваше имущество. Вам бы резонно возмутиться, заявить в органы. Но нет, вы не торопитесь. Более того, отмалчиваетесь, отсиживаетесь, в теннис поигрываете. А участковый ноги истоптал, к вам бегаючи, руки о двери отбил. Кстати, о дверях. Что там произошло, я так и не понял? Почему они дверь до конца не сломали? Как думаете?

– Не знаю.

– Вот и жена ваша стоит на своём – «не знаю», и всё тут.

Так вот, если вы честный человек и вам нечего скрывать – это одно, а если нечестный и есть грешки – это другое. Тогда пусть и сожгут, и ограбят. Я своё после отобью, в накладе не останусь.

– Я уже объяснял милиции: не знаю, что случилось с машиной. Мне заявлять не о чем.

– Вашу машину сожгли. Это видели соседи. И соседи вызвали милицию.

– За чем остановка? У вас заявление от соседней есть? Действуйте.

– Борис Борисович, я немного прошу. От вас мне нужно заявление, что вы подверглись шантажу и вымогательству. Напишите сейчас заявление – завтра Симпа будет за решёткой.

– Никто меня не шантажировал и ничего не вымогал.

– Правильно, потому что вы исправно платите рэкету. Вы сами прикрываете бандитов и воров, потому что вы от них недалеко ушли. Хотите прослыть справедливым и независимым? Но славы нет. Есть презрение со стороны народа и зависть от бандитов. Мечта о справедливом бизнесе обернулась химерой. Деньги – пустые фантики, клочки бумаги, кроме страха ничего не принесли. Хотелось стать свободным, а стали рабом.

– Если вам известно, что против меня совершены противоправные действия, если у вас есть улики, то вы сами должны принять меры, – ответил сдержанно Беба.

– Дайте бумагу! – заорал на него Юрьев. – И я установлю наблюдение за бандой.

– Это меня ни от чего не защит и не спасёт.

– Бандитский спонсор, вот вы кто, а не свободный кооператор, – не выдержал следователь.

Беба побледнел. У него заходили желваки.

– Вот, разозлитесь! Вас оскорбил следователь! Подайте жалобу, я напишу объяснительную записку, и мы получим основание открыть дело. Я установлю за Симпой наблюдение. Только так я смогу вас защитить.

– Чем вы собираетесь меня защищать? Пятью учебными патронами в месяц? Кого собираетесь ловить на ржавых сундуках, заправленных раз в неделю десятью литрами ослиной мочи? Вас самих надо защищать.

– Подумайте о жене и сыне. Они в опасности.

Беба сел в машину.

– Напишите заявление, прошу вас.

– Нет, – был ответ.

5

На лестничной площадке стояла красивая новая дверь. Монтажники готовились к установке. Следователь допрашивал Наташу. Она нервничала и стремилась свести каждый свой ответ к окончанию разговора. Она не хотела отвечать на вопросы, следователь раздражал её и нервировал.

– Наталья Михайловна, хотелось бы вернуться к началу нашей беседы. Вспомните ещё раз хорошенько, не было ли каких-то странных происшествий накануне, которые вы как-нибудь могли бы связать с произошедшим событием? Или что-то такое, что напрямую имело связь с предстоящими событиями.

– Я уже вам сказала, что ничего такого не было.

– Не звонил ли кто-нибудь накануне по телефону из незнакомых вам людей?

– Не звонил.

– Вы вступали в переговоры со злоумышленниками во время взлома?

– Нет.

– Наталья Михайловна, – сказал после паузы следователь. Он был хоть и молод, но вежлив и терпелив.

– Вот вам номер телефона, на всякий случай, если что-нибудь интересное вспомните. Звоните. Спросите меня или капитана Юрьева.

Наташа взяла клочок бумаги с нацарапанным телефоном и машинально сунула в сумочку.

На шум в коридоре явился сосед, живший этажом выше.

– Добрый день, – сказал он, входя в комнату. – Что у вас стряслось, Наталья Михайловна?

– Кое-что стряслось, – ответила Наташа.

Митя, услышав знакомый голос, выскочил из своей комнаты.

– «Вдруг из воды показалась гигантская туша и подскочила вверх», – процитировал Митя.

– Это был кит! – подхватил сосед.

– Такая у них игра, не обращайтесь внимания, – сказала Наташа.

– Андрей Басов, следователь по особо важным делам управления МВД СССР, – представился следователь.

– Левиафан Егор Петров, величайший из божьих тварей, – сказал Митя.

– Егор Петров, актёр, – уточнил сосед.

Глава вторая

о том, как один бандит захотел украсть и облажлся. О жизни ночных бабочек и неконвертируемости рубля. О вешем Федале – злобном господине – и неожиданной встрече, которая зажгла огонь любви

1

Ранним утром из гостиницы «Интурист», что на Горького (так когда-то называлась улица Тверская), выпорхнула девушка. Теперь нет больше уродливой стекляшки, на её месте стоит шикарный отель, а улица вернула своё название.

Таня торопилась. Высокие каблукы мешали быстро идти, она сняла туфли и припустила вниз по улице к переходу. Она бежала переулками и дворами, пробираясь на Пушкинскую улицу, вернувшую себе прежнее историческое название «Большая Дмитровка». В подворотне она надела туфли, вышла на улицу и села в черную «Волгу».

– Мне не нравится, что ты часто проводишь ночь вне дома. – Мужчина министерского вида с отполированной временем лысой головой придирчиво разглядывал Таню.

– Я готовлюсь к экзаменам, папочка, – ответила Таня. – Я бываю дома каждый день. Ты просто этого не замечаешь. Ты замечаешь только, когда меня нет.

– Ты не ночуешь дома, – возмутился он. – Мне это не нравится.

Машина, мигая жёлтыми фарами под капотом, неслась по резервной полосе. Она взлетела на Лужнецкий мост, пронеслась по нему и, сбавив скорость, стала поворачивать к учебным корпусам МГУ.

– Мы занимаемся вместе с Аней. Иногда я остаюсь у неё, чтобы поздно ночью не возвращаться домой.

– Аня живёт в Бирюлёво, насколько мне известно. А сегодня я забрал тебя вблизи улицы Горького. Это несколько разные места.

– На Горького, папочка, мы были вчера вместе с Аней в гостях у нашей подруги. Мама знает. Она туда звонила.

– Мне это не нравится, – твёрдо настаивал отец.

Таня с облегчением вздохнула, потому что машина остановилась и она могла считать себя свободной.

– Скажи, что я должна сделать, чтобы тебе понравиться? – спросила Таня, обнимая отца.

– Ты должна ночевать дома.

– То, как ты это говоришь, мне не нравится.

Она поцеловала отца и вышла из машины.

В аудитории шла лекция о внешнеторговых связях и валютных операциях, о том, что ожидает рубль на мировом валютном рынке в ближайшем будущем.

Таня прилежно писала конспект. Подруга Аня откровенно разглядывала лектора, чем приводила спеца в смущение.

У неё был «хвост» как раз на тему внешнеторговых операций, она собиралась «хвост» этот ликвидировать и намекала лектору, в который раз, пронзительным взором, что к зачёту готова. Он отвечал ей взаимностью, словно давая понять, что несёт всю эту ерунду исключительно для того, чтобы доставить ей удовольствие.

– Все самые удивительные «экономические чудеса» послевоенной поры в основе своей опирались на развитие экспорта и низкий обменный курс национальной валюты, – говорил лектор. – В конце сороковых годов, когда восстанавливалась международная система валютных операций, Западная Германия и Япония лежали в руинах, и поэтому им позволили иметь дешёвую марку и дешёвую иену. Очень скоро эти страны начали производить товары, отличающиеся высокой конкурентной способностью на рынке, во многом благодаря низкому обменному курсу их валют. В настоящее время курс советского рубля значительно превышает его реальную стоимость. Официально рубль претендует на то, чтобы стоить один доллар шестьдесят пять центов, хотя истинная покупательная способность рубля, если судить по чёрному рынку в Восточной Европе, составляет что-то около двадцати пяти центов. Таким образом, для нас один из способов наращивания экономического роста на основе увеличения экспорта заключается в значительной девальвации рубля до уровня четырех-пяти рублей за доллар и твёрдом соблюдении этого курса. «После того, как Советский Союз проведёт

девальвацию и даст вам гарантии, что будет неизменно придерживаться нового обменного курса по отношению к доллару, – спрашивает лондонский „Экономист“, – в какой валюте вы предпочтёте хранить ваши накопления – в рублях или в долларах?»

Аня улыбнулась лектору, соглашаясь с ним, кивнула, сомкнув на мгновение голубые глазки длинными ресницами.

– «Конечно, в долларах»; цитирую, – подтвердил спец, – «если только русские не посулят вам значительной премии в виде высокой учётной ставки, выплачиваемой в иностранной валюте, чего они себе позволить не могут, поскольку этой иностранной валюты у них нет».

– Чего ты на него уставилась? – спросила Таня.

– У меня «хвост». Я даю ему понять, что к зачёту готова, – ответила подруга.

– Итак, – продолжал лектор, – для нас всё-таки наиболее желательный вариант в плане займов состоит в том, чтобы иметь собственную конвертируемую денежную единицу, а не полагаться на западный кредит.

– Я в парикмахерскую, – сказала Аня.

Таня достала из сумочки двести баксов и дала подруге.

– Конвертируемость рубля – это условие для интеграции нашей экономики в мировое хозяйство, – настойчиво агитировал спец. – Конвертируемость обеспечит нашим предприятиям финансовую самостоятельность и полный хозрасчёт, создаст условия для работы совместных предприятий, даст

возможность соизмерить экономику СССР с западной. Конвертируемость рубля не только нужна, но и крайне необходима. Однако имеем ли мы сейчас экономические возможности сделать это? – спросил спец, обращаясь прямо к Ане.

Аня сделала удивлённые глаза, оттопырила губку и беспомощно развела руками.

– Мне думается, что пока нет, – согласился спец.

Аня жестом дала понять спецу, что ей надо уйти. Спец дал добро.

– Буду поздно, – сказала она Тане и стала спускаться вниз по крутым ступенькам.

Спец продолжал:

– Административно-командная система и конвертируемость рубля несовместимы. На Западе противоречие между хозяйственной политикой государства и поведением предприятий частично разрешается путём регулирования национального валютного курса. Для этого используются разные методы, например повышение или понижение процентных ставок внутри страны, массовые покупки собственной валюты на иностранную или, наоборот, заключаются соглашения с другими странами об удержании курса валюты в определённых пределах и так далее. Наша страна пока не имеет опыта в оперативном изменении банковских процентных ставок, у нас нет достаточных валютных резервов, чтобы при необходимости скупать на них рубли, поэтому в случае введения конвертируемости рубля может возникнуть реальная

опасность, когда экономика СССР окажется под влиянием стихии международного валютного рынка. Второе условие для введения рубля – это создание предпосылок для того, чтобы у покупателя возникло желание и стремление приобрести на иностранную валюту рубли. Имеются в виду не мелкие валютные спекулянты.

При слове «спекулянты» Аня вздрогнула и, оступившись, чуть не упала, но – в аудитории прокатился вздох облегчения – успела схватиться за поручень и удержалась.

– Речь идёт о наших западных партнёрах – крупных фирмах и банках, ибо только они способны продавать за рубли иностранную валюту в количествах, необходимых для нормального функционирования внешнеторговых операций СССР.

Благополучно спустившись, Аня направилась к выходу.

– Есть, однако, основание ожидать, что в случае неподготовленного введения конвертируемости рубля его курс на рынке будет стремительно падать, так как накопленные в государственном и в частном обороте сотни миллиардов непокрытых товарных рублей выплеснутся на валютный рынок в погоне за иностранными денежными знаками, имеющими более полное товарное обеспечение.

Спец сделал короткую паузу, провожая взглядом Аню. Дверь за ней бесшумно закрылась.

Аня взяла машину, первую подвернувшуюся, но тут же

хотела выйти, потому что не переносила запаха дури и терпеть не могла блатных песен, разрывающих динамики.

– Э, нет, – сказал парень новенькой «девятки», – у нас так не принято.

Он защелкнул замок на двери и ударил по газам.

– Будем знакомы. Лёха.

– Аня.

– Точно Аня?

– Точно. Что с того?

– А то, что я не люблю, когда обманывают.

Лёха поглядел на торчащие острые коленки Ани, которые были рядом с переключателем передач.

– Куда едем?

– У метро «Фрунзенская» останови, пожалуйста.

Аня решила пересесть в другую машину. Она знала, что этот парень обязательно будет приставать и потом увяжется.

Машин на дороге прибавилось. Лёха ехал быстро и, обгоняя, подрезал кого только мог. От него шарахались и увёртывались. Загорелся жёлтый свет, за ним красный, но он и не думал тормозить. Дежурный инспектор видел из своего «стакана», как машина Лёхи проскочила перекрёсток на красный свет. Он передал по рации приметы машины.

– Когда мы встретимся? – спросил Леха.

– Наверное, никогда.

– Почему?

– Ты так едешь, что, быть может, эта поездка последняя.

Лучше не загадывать.

– Ты любишь быструю езду? – неожиданно спросил Лёха.
Аня промолчала.

На следующем перекрестке Лёху поджидал гаишник.

– Айн момент, – сказал Лёха, останавливаясь.

Он вышел из машины и пошёл объясняться с гаишником.

– Виноват, товарищ лейтенант, исправлюсь, – сказал он, протягивая офицеру двадцатипятирублёвую бумажку.

Аня в это время выскочила из машины и пересела в попутное такси.

– Тормознуть? – спросил гаишник, принимая казначейский билет.

– Не надо.

Лёха без труда догнал такси и, поравнявшись, подал знак, чтобы таксист остановился.

– Извини, брат, у меня заказ, – ответил ему таксист и стал отрываться.

Он свернул на маленькую дорожку, потом резко повернул налево и через две «сплошных» ушёл на другую сторону дороги, скрывшись за Дворцом молодёжи. Лёха дождался светофора и поехал туда, куда скрылось жёлтое такси.

Машина стояла в тупичке, неподалёку от метро. Лёха сел в такси на переднее кресло.

– Свободен? – спросил он.

– Теперь свободен, – заулыбался таксист.

– А почему ты не остановился?

– Она попросила не останавливаться...

– Я тоже тебя попросил.

– Она клиент. Может быть, она твоя жена или девушка, которая от тебя драпанула... Может, она тебя не хочет... Мы это все понимаем...

Леха ударил таксиста и тот отключился. Вытащил у него бумажник и выгреб деньги.

Добыча была мизерная. И половины не добирала до того, что он отдал гаишнику.

2

Митя собирался в школу в приподнятом настроении. Мама обещала сегодня повести его в театр на «Моби Дика». Портфель Митя собрал с вечера. За завтраком съел всю кашу, вдобавок бутерброд с сыром. Он допивал чай, когда пришёл сосед Егор Петров, чтобы оставить билеты в театр.

– Егор Петров, великий Левиафан, заставляет море пениться, подобно кипящему котлу, – закричал Митя, встречая Егора.

– «Дыхание кита, сэр, часто имеет чрезвычайно сильный запах, от которого может наступить помутнение мозгов», – ответил Егор.

Митя расхохотался.

– Митя, меня ждут на работе, – торопила Наташа.

– Три билета, как заказывали, – сказал Егор и протянул

билеты Борису Борисовичу.

– Я, к сожалению, не смогу пойти. Прости, Егор, – сказал он, и покрутил в руках билеты.

– Нет проблем, Борис Борисович, в следующий раз пойдёте.

– Нам пора, – сказала Наташа и отобрала билеты у Бебы.

– Подбросите меня? – спросил Егор.

– Подбросим!

В дороге Митя и Егор резвились, посмеиваясь над энтузиастами, совершавшими на бульваре утреннюю пробежку.

Их было довольно много.

– Фонтан на горизонте! – горланил Митя.

– Где? Где? – спрашивал Егор.

– Три румба под ветер, сэр. Лево руля! Так держать!

– Есть так держать, сэр!

– Ты его видишь?

– Да, да, сэр! Это целое стадо кашалотов! И фонтаны пускают, и из воды скачут.

– Гром и молнии!

– Свистать всех наверх!

И они стали свистеть и улюлюкать.

– Егор, я приглашу подругу, не будете возражать? – спросила Наташа.

– А подруга хорошенькая?

– Чудо! Блондинка! – ответила Наташа.

– Я согласен! – обрадовался Егор.

– «Один наш гарпунщик говорит, что у Шпицбергена он забил кита, который был с головы до хвоста весь белый», – процитировал в тему Митя, подмигивая Егору.

Катя была именно такой блондинкой, какой пытался представить её Митя. Правда, на кита миниатюрная девушка не тянула. Она была примерно ста шестидесяти сантиметров роста и в свои неполные двадцать пять, как справедливо заметила Наташа, выглядела очаровательно. Она припарковала новенькую «копейку» недалеко от улицы Горького. Из ушей вынула серьги, сняла с рук кольца, положила всё вместе с ключами в сумочку. Гладко зачесала волосы и стянула их в пучок на затылке. Получилось скромно, но это придало ей особенный шарм. Она вышла из машины и пошла мелкими шажками, слегка подпрыгивая на высоких шпильках.

Симпа с братвой подкатил прямо к бару. Следом за ним из машины с букетом роз вышел бандит по кличке Амбал.

– А где Екатерина Сергеевна? – спросил Симпа, входя в бар.

– Скоро будут, – ответил бармен Володя. – Выпьете что-нибудь?

– Плесни коньячку. Кофе, когда Катюша придёт. Пусть сварит своего фирменного.

За столиком ждал Скороходов, что ссудил на игру деньги, которые Симпа так бесславно продул. С ним был дружок Симпы – модник и спекулянт дорогим шмотьём, бандит по кличке Шляпник. Он и Скороходов что-то горячо обсужда-

ли. Симпе это не понравилось. По лукавому взгляду Скороходова он догадался, что о его проигрыше уже известно.

– Соболезнования принёс? – спросил Симпа.

Скороходов не решился вступать в полемику на опасную тему.

– Игра – очень тонкая материя, не нашего ума дело, – странно заметил он.

Володя принёс Симпе коньяк.

Симпа стал согревать бокал в руке, слегка помешивая коньяк.

– Что у тебя? – спросил он Скороходова и сделал глоток.

– У одного нашего общего знакомого имеется на складе первоклассная кожа. Другой наш общий знакомый, как ты знаешь, имеет конкретные виды на такой товар.

Он замолчал и стал ждать.

– Ты знаешь мои отношения с Крутым, – тихо заговорил Симпа.

– Да, – подтвердил Скороходов.

– Я не хочу обострять отношения по пустякам.

– Это правильно, – согласился Скороходов.

– Кожа его конёк.

– Знаю.

– Зачем же ты предлагаешь мне вырвать у него из глотки то, что он уже почти проглотил?

– Заглотнул, но не проглотил. Я заплачу сто пятьдесят тысяч, Коля. И долг твой спишу. Ты больше мне не должен.

Деньги сами шли в руки. Симпа задумался.

– Ты удивишься, как это может быть просто. Склад почти не охраняется, – продолжал интриговать Скороходов. – Сигнализация примитивная.

– Там нет охраны? – поинтересовался Симпа.

– Это не охрана. Один пенсионер чисто для отмазки сидит. У него даже ружья нет.

– Я подумаю, – сказал Симпа.

Скороходов заулыбался. Он знал, что у Симпы «подумаю» означает «согласен».

– Очень хорошо, очень даже великолепно. Все подробности через Шляпника, – обрадовался Скороходов. – Будьте здоровы, всем привет.

Скороходов убрался, а Симпа задумался.

В это же время на другом конце города произошла другая встреча, о которой здесь следует упомянуть. Директор базы Михаил Аркадьевич Самохин принимал в своих владениях, на базе ОРСА Роспотребсоюза, компаньона по кличке Крутой. Они вошли в огромный тёмный склад, где хранилась та самая кожа, о которой рассказывал Скороходов. Самохин зажёл свет и поднял брезент.

– Посмотри, – не без гордости сказал он.

Крутой потрогал кожу.

– Мне нравится, – сказал он сухо. – Когда собираешься перегнуть ко мне?

– Серёжа, не торопись, оприходую, как полагается, тогда

и перевезём. Два, может быть, три дня – и она твоя.

– Хорошо, – согласился Крутой.

На улице он с нескрываемой иронией следил за тем, как Самохин закрывал склад обыкновенным «амбарным» замком. Они прошли через проходную мимо сторожа, который вежливо поклонился.

– Всего хорошего, Михаил Аркадьевич.

– Будь здоров, Савелий, – попрощался Самохин.

– Я всё-таки пришлю тебе двух серьёзных парней на замену Савелию, – сказал Крутой. – Так надёжней будет. А то как-то несерьёзно. Товара на пол-лимона, а охраняет его какой-то Савелий.

– У нас всегда так, – улыбнулся Самохин. – Я работаю, друг мой, почти сорок лет и скажу, что «нет ничего более постоянного, чем непредвиденное».

– «У моего брата необычная профессия: он находит вещи раньше, чем люди успевают их потерять»⁷, – ответил Крутой цитатой на цитату. – Я пришлю парней.

В этом деле нестыковка произошла с самого начала, потому что Скороходов был жаден и тороплив, а Симпа беспечен и обвешан долгами.

– Слишком всё гладко, – сказал Симпа Шляпнику. – И много платит. Не похоже на него. Узнай, кто заказчик. И почём товар уходит к заказчику.

⁷ Один из афоризмов английского киноактёра Фрэнка Карсона.

– Знаю этого заказчика. Татарин из Казани. Живёт в Измайлово, – ответил Шляпник.

– Надо с ним потолковать.

Он не успел договорить, потому что в бар вошла Катя. Симпа встал. Вслед за ним встал Шляпник. Амбалу пришлось тоже встать. Получилось очень даже торжественно.

– Доброе утро, Екатерина Сергеевна, – поздоровался Володя.

– Доброе утро, Володя. Я ведь просила утром никому коньяк не подавать, – попеняла Катя, проходя мимо.

– Простите, Екатерина Сергеевна, – сказал Володя.

Он знал, что Катя церемониться не будет. Лишнее слово, и увольнение обеспечено.

– Простите, Екатерина Сергеевна, Володя не виноват, – вступился Симпа. – Это я нарушитель. Хотел заказать кофе, но лучше вас никто кофе не варит. Пришлось пить коньяк.

– На первый раз прощается, – ответила Катя.

– Сегодня в Центре международной торговли премьера новой программы. Я вас приглашаю.

– Сегодня вечером? Боюсь, что не получится.

– Может быть, завтра?

– Завтра?

Подумав, Катя решила уступить, чтобы не злить бандита.

– Может быть, и завтра, – улыбнулась она.

– Так я надеюсь на завтра, – сказал Симпа и удалился.

Катя достала из букета записку и прочитала: «С добрым

утром, Богиня». Аккуратно её изорвала и выбросила.

«Я слишком легкомысленно даю обещания. Когда-нибудь их придётся исполнять», – подумала она.

– Доброе утро, Катенька. Доброе утро, Володенька, – услышала Катя знакомый голос.

Благообразная старушка, чисто одетая и очень приветливая, появилась в баре, словно фея.

– Доброе утро, тётя Маша. Позавтракаете?

– Спасибо, Катенька, сегодня день постный. Побегу, а то и так опаздываю.

Катя протянула старушке трёшку. Большие деньги для того времени.

– Во славу Божию, – перекрестилась старушка. – Храни Господь.

Володя отдал ей цветы и проводил.

Выйдя на улицу, она свернула за угол дома и пошла так быстро, как только могла, потому что торопилась. В руках у неё колыхался тяжеленный букет. Утро было великолепное. Встречные прохожие приветливо улыбались и засматривались на цветы. Старушка дошла до улицы Чехова⁸ и вошла в церковь Рождества Богородицы.

В церкви шла служба. Старушка отдала послушнице букет. Та взяла большую вазу, налила воды, поставила в неё розы и отнесла их образу Богородицы.

⁸ Малая Дмитровка (в 1944–1993 годах – улица Чехова).

Наташа тем временем высадила Егора вблизи Театра юного зрителя на улице Горького и стала перестраиваться. В зеркало она увидела «девятку» с затемнёнными стёклами, которая уже довольно долго следовала за ней. Наташа свернула у Манежной площади, проехала здание Совмина СССР и повернула на Пушкинскую улицу. «Девятка» не отставала. Наташа занервничала. Она свернула в Дмитровский переулок и остановилась у здания школы, где учился Митя. «Девятка» притормозила в нескольких метрах от неё. Наташа достала билеты в театр и засунула их в карман Митинового портфеля.

– Вот, пусть у тебя будут. А то ещё потеряю, – пошутила она.

– Пока, мамочка, – сказал Митя.

– Сынок, за тобой заедет Екатерина Сергеевна. Ты с ней пойдешь в театр. Её слушаться, как меня.

Наташа бросила взгляд в зеркало заднего вида и увидела преследующую «девятку». Больше она ничего не видела и не слышала. Ей стало страшно. С Петровских линий она свернула на Кузнецкий Мост и остановилась напротив салона «Модные причёски». «Девятка» припарковалась неподалёку.

Наташа вошла в салон, прошла в служебное помещение, открыла сумочку и стала в ней что-то искать. Ей пришлось вытряхнуть содержимое сумки на стол, и лишь тогда из бокового карманчика она извлекла маленький клочок бумаги с телефонным номером – тот самый номер, который дал

ей лейтенант Басов. Она сняла трубку и позвонила.

– Юрьев слушает, – ответил голос.

– Это Наташа Плоткина. Мне нужно с вами срочно встретиться.

– Где вы?

– На работе. За мной следят.

– Вы звонили Борису Борисовичу? – неожиданно спросил Юрьев.

– Нет, просто ещё не успела.

– Наталья Михайловна, у меня к вам огромная просьба. Пожалуйста, до моего приезда, ничего не сообщайте Борису Борисовичу.

– Хорошо, – пообещала Наташа.

С минуту она сидела неподвижно, приходя в себя, и вдруг вспомнила, что должна позвонить Кате.

– Катюша, ты не могла бы забрать Митю из школы? – спросила она, стараясь говорить спокойно, чтобы голос не дрожал.

– Легко, Наташенька, – ответила Катя.

– Понимаешь, мы обещали ему пойти в театр, но ни Боря, ни я не можем. Выручи.

– В театр? С удовольствием. А у вас всё в порядке, Наташа? – спросила Катя.

– Надеюсь, что да.

Аня вбежала в зал парикмахерской как раз в тот момент,

когда там появилась Наташа.

– Я не опоздала? – спросила Аня.

– Нет, Анюта, – невозмутимо ответила Наташа. – Ты не опоздала.

Аня села в кресло, достала из сумочки конверт, положила на столик и сверху прикрыла сумочкой.

Пунктов обмена валюты тогда не было. Обменять иностранную валюту на отечественные «деревянные» можно было только в парикмахерской. Не в любой, разумеется, а только в центре города и в тех парикмахерских, которые назывались «салонами». Существовало много и других способов, но этот был удобней всех, потому что в салоне можно было не только «обменяться», но и купить кое-что из импортных вещей. Так что приходили обменять, скажем, финские или немецкие марки, реже доллары, на рубли, а уходили с пакетом разного носильного тряпья. Аня пришла обменять доллары, свои и подруги Тани, заработанные прошлой ночью.

Вокруг кипела работа по реабилитации лиц и реставрации голов прекрасного пола. Здесь ничего друг от друга не скрывали за исключением валютного обмена. Передвижение валюты из рук в руки было как бы прикрыто магической завесой и напоминало фокусы Игоря КИО в исполнении феи. Работая женским мастером, Наташа совмещала с этим ещё и должность администратора. Превращение иностранной валюты в полновластные рубли не проходило без её участия.

Она была та самая волшебница, от прикосновения которой иностранные денежные знаки теряли магическую силу. В условиях подсудности валютных операций дело это было в руках подлинных волшебниц. Если операцию предстояло совершить в обратном направлении, то есть бескровные рубли превратить в полнокровные «зелёные», также прибегали к услугам феи. Нужно было сидеть и ждать, что и делала одна интересная дама, только сошедшая с «конвейера красоты». Сидела на диване, курила и ждала.

Наташа занималась Аней. Девушку с трудом можно было узнать под странноватой маской из овсяной муки. Наташа бросила взгляд на конверт с «зелёными», которые Аня приготовила для обмена.

– Сколько там? – спросила она.

Девушка показала четыре пальца, что должно было означать «четыре сотни».

– Умываемся, – сказала Наташа.

Она взяла конверт и вышла из зала.

К Ане подошла девушка и поставила пакет у её ног.

– Аня, я принесла, что ты просила.

– Хорошо. Оставь, – сказала Аня.

– Ты померь, пожалуйста, если не подойдёт, у меня есть, кто возьмёт.

Аня быстро смыла маску и наскоро прикинула поверх джинсов и блузки вечернее платье.

– Как? – спросила она.

Мастера и сидевшие в креслах клиентки одобрили. Одна дама, которой накладывали маску на лицо, не могла видеть, но слышала возгласы одобрения и непременно хотела знать причину всеобщего согласия:

– Что? Что там, девочки?

– Платье, вечернее, – удовлетворила любопытство Аня.

– Взяла?

– Да.

– Дорогое?

– Дорогое.

– Красивое?

– Очень!

В служебном туалете Наташа пересчитала пятидесятки и вложила их в конверт на место четырёх сотен долларов. Вернувшись в зал, положила конверт с рублями на прежнее место. Она отыскивала взглядом интересную даму и показала на пальцах «четыре». Это означало, что она предлагает на продажу четыреста долларов. Дама одобрительно кивнула.

– Я сейчас, – сказала Наташа и направилась к даме, которая сосредоточенно начала отсчитывать деньги.

Девушка, предлагавшая платье, вернулась.

– Берёшь? – спросила она.

Аня достала из конверта деньги, отсчитала нужную сумму и вручила девушке.

Дама на диване передала Наташе пачку пятидесяток в обмен на баксы в конверте. Справедливости ради надо заме-

тить, что Наташа за те же четыре зелёные бумажки получила сумму, превышающую ту, что минуту назад получила от неё Аня. Это так, для полноты содержания, чтобы сегодняшний «свободный гражданин» знал, как в те «застойные» годы люди крутились.

Юрьев припарковал газик рядом с постом ГАИ. В салон отправился пешком. Он хотел убедиться, нет ли в самом деле слежки за Наташей и, ничего не обнаружив, вошёл в салон. Они уединились в служебном помещении, чтобы побеседовать, но к ним постоянно кто-нибудь заглядывал, и тогда Юрьев закрыл дверь на ключ.

– Они следили за мной, я так думаю, от самого дома. Я заметила их случайно. Мне показалось, что они специально сделали так, чтобы я их заметила.

– Наталья Михайловна, вы не волнуйтесь.

– Я не могу не волноваться, потому что они угрожают моему сыну. Они дали это понять. Помогите.

– Я же говорил вашему мужу, что есть только один способ изменить ситуацию – взять всё под контроль. Для этого вам необходимо написать заявление о том, что вы подвергаетесь репрессивному воздействию со стороны неизвестных элементов.

– Послушайте, мой муж – порядочный человек.

– Я знаю...

– Он не имеет никаких связей с криминалом.

– Я знаю...

– У него самого очень большие личные проблемы с бандами. Это надо понять.

– Я понимаю.

– Если я сделаю то, что вы просите, это как-то повредит репутации Бориса?

– Ровным счётом никак. Этого просто никто не узнает. Обыкновенная формальность.

– Хорошо, я напишу такое заявление, – согласилась Наташа.

Она почувствовала некоторое облегчение, хотя и понимала, что попала на крючок к менту и Боре это не понравится.

3

В театре шёл спектакль по роману Германа Мелвилла «Моби Дик». Митя смотрел на сцену, затаив дыхание. Там кипели нешуточные страсти. Капитан Ахав готовился пуститься в погоню за белым китом.

– Бог! Бог! Бог! – трагически воскликнул Ахав. – Раздави моё сердце! Взломай мой мозг! Ближе! Стань со мной рядом, Старбек, дай мне заглянуть в человеческие глаза.

Егор пытался сквозь дырочку в кулисе разглядеть Катю. Зловредная помощница режиссёра Галка приставала к Егору с вопросами и мешала. Егор нравился Галке. Она постоянно его ко всем ревновала и опекала изо всех сил.

– Егор, – позвала Галка, – тебе заказ нужен?

– Нет, – отмахнулся Егор.

Он хорошо видел Митю. Свет падал на него со сцены, и Егор заметил, как Митя от страха вжался в кресло. Катю разглядеть не удавалось. Он видел только, что она блондинка и что, кажется, на лице её блуждала лёгкая улыбка.

– Ну возьми заказ, – нудила Галка.

– Мне не надо, – огрызнулся Егор.

– Ну возьми, хороший: чай, тушёнка, гречка, кура, правда, отечественная.

– Отстань, из-за тебя пропущу реплику.

– Не из-за меня...

– Сколько стоит заказ? – спросил Егор, только чтобы отвязалась.

– Двенадцать рублей.

– Нет у меня таких денег.

– Одолжи.

– Отстань.

– Я тебя записываю. «Непостижимая сила, злобный господин, жестокий, беспощадный император», – процитировала Галка.

Она сказала так громко, что Ахав на сцене, готовящийся только произнести этот текст, вдруг услышал обрывки, донёсшиеся до него. Он погрозил белому киту за кулисы.

– Что это? Что за непостижимая сила, что за неведомый злобный господин, жестокий, беспощадный император по-

велевает мною...

Ахав запнулся и закричал:

– Федал!

– Федал, – зашипела Галка. – Где Федал?

Федал стоял в противоположной кулисе и целовался с Люсьеной.

– Иди! Опоздаешь! – вырывалась из его объятий Люсьена.

Федал не выпускал её. Они целовались и целовались, и не могли оторваться друг от друга, будто бы поцелуй был последний. И тогда осветитель из операторской кабины сказал Галке:

– У меня свет на Федала. Где у тебя Федал?

Таинственно и зловеще звучала музыка. Федал всё никак не мог расстаться с Люсьеной.

– Свет! – скомандовала Галка. – Давай свет!

– Как скажешь, – огрызнулся оператор и врубил свет.

Федал, злой рок судьбы, стоял в лучах света и смотрел на Ахава горящими огнём глазами.

Галка перевела дух и погрозила Федалу кулаком. Она проработала в театре пятнадцать лет, но до сих пор не понимала, как актёры, опаздывающие на выход, пробираются в крошечной тьме и оказываются на своём месте. Конечно, большинство из них опаздывали, иногда промахивались и сваливались в люки под сцену, ломая ноги и руки. Но некоторые, особо одарённые, такие как Стасик или Егор, были сущие оборотни. Галка не могла себе представить, как Федал пе-

реместился из-за кулисы, где только что целовался с Люсьеной, на сцену, причём попал точно в световое пятно, падающее на его игровое место? За годы работы в театре психика у Галки, и без того весьма тонкая от природы и надорванная нуждой, становилась всё тоньше, делалась такой прозрачной и проницаемой, что по жизни Галка пугалась и шарахалась всякой ерунды. На сцене во время спектакля она становилась совсем другой, непохожей на обычных людей. Главный её принцип был в том, чтобы ничему не удивляться и ни над чем не задумываться, во спасение утончающейся непрестанно, с каждым разом, слой за слоем исчезающей, делающейся всё прозрачней психики. Как Федал переместился в несколько мгновений с одного места на другое, Галка понимать отказывалась. Но она твёрдо знала и держалась своего знания, как за якорь спасения, что телепортация возможна, а в таком месте, как театр, вполне уместна и даже необходима.

– Федал навязывает мне безумную готовность совершить то, на что бы я сам в глубине своего собственного сердца никогда бы не осмелился даже решиться? Ахав ли я? Я ли, о Господи, или кто другой поднимает за меня руку? – стenal на сцене Ахав.

Люсьена из-за кулис смотрела на своего Стасика. Она вдруг осознала текст, что знала почти наизусть, после которого появлялся на сцене Федал. Зловещий смысл этих слов её взбудоражил. Ей вдруг почудилось, что за безобразной маской на лице Стасика – пустая дыра и что в этой пустой

черноте кто-то прячется. Горящие глазницы маски притягивали её в бездну невидимой пустоты. Она побледнела и задрожала. Ей стало так страшно, что она закричала. Но крик потонул в пустоте чёрного коридора, и она провалилась в эту пустоту.

– Сейчас будет самое интересное, – сказал Митя, наклоняясь к Кате.

На сцене появился Егор и запел:

– Эх, на море шторм гудит —
От души резвится кит,
Он хвостом своим вертит.
Вот так славный и забавный,
Вот игривый, шаловливый,
Вот шутник и озорник,
Старикан-океан, хей-хо!

Старбек одёрнул Стабба:

– Замолчи, Стабб! Если ты смелый и здоровый человек, то сохраняй спокойствие.

– Я трус, – отозвался Стабб. – И я пою, чтобы не так страшно было.

– Безумец! Погляди моими глазами, если у тебя нету своих.

– Как? Разве вы видите тёмной ночью лучше, чем кто-нибудь, чем даже самый последний дурак?

– Молчи!

– Женя, ты не одолжись червонец на заказ? – спросил Егор Старбека.

– Я сам у капитана одолжил, – ответил Старбек.

– Святой Эльм, смилуйся над нами! – закричал Стабб.

– Ахав, остерегись Ахава. Остерегись самого себя, старик!

– Владимир Яковлевич, дайте червонец на заказ, – подползая к капитану, взмолился Егор.

– Последний Женьке отдал, – ответил Ахав.

Ударил гром, сверкнула молния. На сцену в ужасе выбежали матросы.

– Ребята, одолжите червонец на заказ! – крикнул Егор.

Матросы в ужасе от него шарахнулись, замахав руками, – червонца ни у кого не было.

– Люди, глядите вверх, белое пламя лишь освещает путь к Белому Китаю! – закричал Ахав. – Подайте мне конец громоотвода, я хочу чувствовать его пульс, и пусть мой пульс бьётся об него. Кровь и огонь!

Матросы закричали, чтобы немедленно подали конец⁹. В шуме и грохоте музыки потонули их реплики о конце. «Подайте ему конец! Подайте его конец!» Это всё перевиралось и коверкалось на разные лады так, что на сцене началась ржачка.

– Всех в протокол, всех в протокол занесу, – твердила Галка как заклинание.

Но в зале было по-настоящему страшно. Сверкала мол-

⁹ Конец – канат для швартовки.

ния, гремел гром. Митя от страха закрыл глаза.

На лице Кати застыла странная, непроницаемая улыбка. Она смотрела на сцену, но, кажется, не видела и не слышала того, что там происходило. Лицо её оставалось безучастным. Мысли были далеко. Она, как и Люсьена, каким-то загадочным способом заглянула в будущее. Это было чувство, которое принесло неведомо «что» и неведомо «откуда».

В одно мгновение хорошее и плохое смешались в какое-то малоприятное, но хорошо знакомое ощущение неотвратимого будущего, которое не было ни радостным, ни печальным, ни счастливым или несчастным, а неуловимым, принёсшим такое томление, что выбор между жизнью и смертью мог показаться наилегчайшим и самым простым из всего, что предстояло выбрать.

Катя хотела выйти из зала, но сдержалась. Прикрыла глаза и стала дожидаться, когда перестанет грохотать музыка, от которой у неё разболелась голова.

Митя смотрел спектакль не один раз, но всегда в этом месте пугался. Производимый гром за кулисами и резкая музыка создавали страшный грохот, так что в зале дрожали стены.

Режиссёр стремился создать атмосферу трагического накала, но явно перебрал с шумовыми эффектами. Атмосфера была просто невыносимой. Некоторые мамы и бабушки с детьми выходили из зала. Дети от страха плакали и писались прямо в зале.

За всем этим наблюдал с балкона директор театра Иван

Иванович Белов. Он сделал серьёзное лицо и стал размышлять. Для него это были существенные производственные ошибки, которые предстояло устранить.

– Смотри! – толкнул Егор Федала.

Сверкнувшая молния осветила лежащую на полу Люсьену. Федал бросился к ней за кулисы.

– Стой! – закричал Ахав, бросая вызов Белому Китаю. – Будем играть честно, хоть мы и слабее!

– Куда, Федал! – зашипела Галка.

– Бог, сам Бог против тебя, старик, отступись! Это несчастливое плавание, не к добру оно и ведёт, – сказал Старбек.

Федал пытался привести Люсьену в чувство. Она открыла глаза и, увидев перед собой «маску рока», снова впала в забытье.

– Воды, дайте воды! – просил Стас.

Но рядом никого не было. Ему показалось, что он абсолютно один на дне какой-то чёрной бездны.

– Всех вас, как и меня, связывает клятва настичь Белого Кита, – говорил Ахав.

Люсьена видела перед собой маску Федала и слышала громовой голос Ахава из темноты своего истерического забытья.

– Старый Ахав связан с Белым Китаем всем сердцем, всей своей душой, всем телом, всей жизнью. А чтобы вы знали, как дерзновенно бьётся это сердце, вот глядите: так задуваю

я последний страх!

На острие гарпуна дрожало раздвоенное пламя. Ахав погасил огонь.

Очнувшись, Люсьена увидела склонившегося над ней Стаса.

– Всё хорошо, – сказал Стас.

Люсьена смотрела на Стаса и плакала.

– Я сейчас, – сказал Стас и побежал на поклонь.

Егор помахал Мите со сцены.

– Bravo, Петров! – крикнул Митя, как заправский клакер.

Катя вежливо аплодировала.

– Как вам молодчина Стабб? – спросил Митя.

– Понравился, – ответила Катя.

– Есть! – воскликнул Митя. – «Рыба на лине»!

– Что? – не поняла Катя.

– Мне кажется, вас загарпунили, – сказал ей Митя.

– Кому ты там так раскланивался? – спросила помощник режиссёра, когда Егор вернулся за кулисы.

– Мальчику-другу, – ответил Егор.

– Я достала деньги для тебя в литчасти. Деньги отдашь мне.

– Спасибо, – сказал Егор и поцеловал помощника.

Актёры разгримировывались, забежали к Стасу узнать, как чувствует себя Люсьена.

– Стас, – позвала Люсьена.

– Что?

– Подойди.

Стас подошёл и наклонился к ней.

– Ты любишь меня?

– Ты же знаешь, – улыбнулся Стас.

– Знаю, не любишь. Ты лишний раз боишься произнести это слово.

В гримёрку постучали. Стас открыл дверь. Перед ним стояла Елена. Романы в театре вспыхивают и гаснут, как звёзды на небе. Елена, молодая, хорошенькая, только что принятая в труппу актриса, была новым увлечением Стаса.

– Зачем ты пришла? – Стас вышел за дверь и заговорил шёпотом, чтобы Люсьена не слышала. – Я просил не приходить, когда идёт «Моби Дик».

– Зачем она здесь? Что ей надо? – спросила девушка.

– Уходи.

– Тебе сказали, убирайся! Не поняла? – раздался за спиной Стаса голос Люсьены.

– Сама пошла вон, старая ведьма! – огрызнулась Елена и умудрилась толкнуть Люсьену, как Стас ни удерживал.

Та мгновенно ответила. Елена вскрикнула от боли и набросилась на Люсьену.

Завязалась драка. Они сцепились как две кошки, которых нельзя было разнять. На крики сбежался народ. Стали растаскивать дерущихся фурий.

В кабинете директора тоже кипели страсти. На «ковре» был и режиссёр Амма Саввич, помощник Галка и старший

по залу билетёр Мария Ивановна.

– Правда, Иван Иванович, святая правда, дети пугаются, мамыши из-за этого негодуют, возмущаются, – докладывала Мария Ивановна. – Подростки, взрослые почти, как дети, писаются, извините, от страха. И не один раз это было. Нам и самим страшно. А мы-то уж привыкшие, кажется, ко всему. Громкая музыка, очень громкая. После первого акта многие уходят, не выдерживают. И вообще...

– Мария Ивановна, что вы имеете в виду? Конкретно? – спросил возмущённый режиссёр.

– Конкретно? Страшно, очень страшно, – сказала растерявшаяся билетёр.

– А вам жить в этой жизни не страшно?! – заорал на неё режиссёр.

– Страшно! Так то жизнь, а здесь театр. Люди привыкли, что в театре как-то не так, не совсем так, как в жизни, что можно забыться от всего этого кошмара...

– Амма Саввич, – подхватил директор, – я приказал музыке сделать тише. Это единственное, что я просил сделать, чтобы снизить зверский, нечеловеческий накал страстей в спектакле. Вы отменили моё распоряжение. Почему?

– Это противоречит замыслу спектакля, – сухо ответил режиссёр.

– Амма Саввич, это детский спектакль. Прошу вас сделать музыку тише. В некоторых сценах актёрское исполнение притушить, чтобы не доводить детей до истерики. Если

жалобы докатятся до роно, спектакль просто закроют. Я вас ставлю об этом в известность.

– Иван Иванович, изначально спектакль был поставлен для взрослых. Я и сейчас настаиваю на том, что он для взрослых. Детям этот спектакль смотреть трудно. Но вы сами настояли на «утренниках» ввиду временной производственной необходимости. Прошло уже полгода, а необходимость так себя и не исчерпала. Я готов произвести изменения в спектакле с тем, чтобы адаптировать пьесу к детской аудитории. Для этого потребуются некоторые материальные затраты. Вы готовы нести материальные затраты?

– Нет! Не готов!

– Тогда снимайте спектакль с детских утренников! Дальнейший разговор считаю бессмысленным.

Режиссёр вышел, хлопнув дверью.

– Галюша, будь любезна, передай радисту, чтобы фонограмму сделал тише, – обратился директор к помощнику режиссёра.

– Хорошо, Иван Иванович, – сделала заметку в своём блокноте Галка.

– И ещё, передай, что это моя личная просьба. Это существенно отразится на его квартальной премии, – добавил директор.

– Непременно передам, Иван Иванович, – кивнула Галка.

Егор старался не смотреть на Катю, потому что он и так

видел, что Наташа не сказала о Кате и половины. Она была не просто хороша, она была красива. Егор, а с ним это случилось, влюбился в Катю с первого взгляда. Катя тоже сильно разволновалась и первая протянула руку.

– Екатерина.

– Егор Петров.

– Поздравляю, вы очень здорово всё там так вытворяете, – попыталась оценить мастерство актёра Катя.

– Спасибо, я рад, то есть очень приятно от вас это слышать, – запинаясь, ответил Егор.

– И мне тоже очень приятно, – сказала Катя.

Мычание из обоюдных любезностей затянулось. Это сразу отметила помощник режиссёра Галка, которая только что вышла из театра. Ей не понравилось, как Петров улыбался незнакомке и при этом даже смущался. Узнавали Егора выходящие из театра зрители, это добавляло неловкости.

– Петров, заказы получать завтра после трёх часов, не забудь, – сказала она строго. – Здравствуй, мальчик, – язвительным тоном поздоровалась она с Митей.

Митя загородил Галке путь.

– «Покуда туша кита остаётся за кормой, голову его отрубают и на шлюпке буксируют как можно ближе к берегу», – процитировал из романа Митя.

Он жестикулировал, изображал, как именно отрубают киту голову, как буксируют к берегу.

Галка была возмущена тем, что ей приходится в нерабо-

чее время выслушивать ещё раз всё тот же бред на ту же «китовую тему».

– Боже мой, мальчик, если бы ты знал, как это отвратительно и ужасно выглядит со стороны, – сказала Галка.

Шляпник с бандитами по кличке Немой и Блин проезжали мимо. Они обедали неподалёку и теперь направлялись в Измайлово.

– Надо же, надо же! – воскликнул Немой, заметив Катю. – Тормозни.

Блин остановил машину.

– Эй, парни, это тёлка Симпы, вы с ней поаккуратней, – предостерёг Шляпник.

Бандиты вышли из машины. Немой жестом поманил Катю.

– Митя, пожалуйста, иди и сядь в машину, – сказала Катя.

– Что случилось? – спросил Егор.

Он видел, что Катя изменилась в лице и выглядела растерянно.

– Вы тоже идите с Митей в машину, пожалуйста.

Егор и Митя сели в машину. Митя защёлкнул на дверях замки.

Катя подошла к бандитам.

– У нас к тебе дело, – сказал Немой, – а тебя нет на месте, нехорошо получилось.

– Я вам свиданий не назначала! – отрезала Катя. – Можно

хотя бы на улице не цеплять?

– Дерьмо фуфлыжное, соска навороченная, указывать будешь, где с тобой встречаться? – вспыхнул бандит. – За тобой долг. Я в любое время дня и ночи могу спросить, и ты мне обязана.

– Тебе известно, что Симпа денег с меня не берёт? – спросила Катя.

– Слышь, красота, общак никого ещё от подогрева не освобождал.

– Хорошо, я спрошу у Симпы, должна я вам платить или нет?

Немой достал из кармана бритву. Новенькая, блестящая «золинген» сверкнула в руках урки.

– Видела? Сейчас пасть раскрою. Вечно улыбаться будешь. Хочешь?

Бандит приблизился к Кате, казалось, он примерялся, куда бы ловчее нанести удар. Катя вскрикнула так громко, что встречные прохожие обернулись.

– Не надо, умоляю, – взмолилась Катя. – У меня сейчас нет денег. Завтра приходи.

Катя стояла и смотрела на Немого, не зная, чего ожидать от взбесившегося бандита. Её бил озноб, лицо покрылось испариной, словно началась горячка.

– Пошла отсюда, – презрительно бросил Немой.

Катя вернулась в машину, руки у неё дрожали, и она никак не могла вставить ключ в зажигание.

– Всё в порядке, – ответила она на вопросительный взгляд

Егора и попыталась улыбнуться.

Егор был потрясён такой переменной.

– Ничего себе «порядки», – сказал он, вылезая из машины. – Эй, минуточку! – окликнул он Немого.

– Не вмешивайся, – одёрнула его Катя.

Но было поздно. Егор тоже завёлся.

– Я никогда ни во что не вмешиваюсь, – ответил Егор и направился к Немому.

– Ты пожалеешь, – успела бросить вдогонку Катя.

– Я никогда ни о чём не жалею, – ответил, не поворачиваясь, Егор.

Немой вначале не поверил, что парень обращался к нему, но, когда увидел приближающегося Егора, удивился и стал ждать.

– Слушаю тебя, пацан, – сказал он, с интересом разглядывая Егора.

– Послушайте, я вижу эту девушку впервые в жизни, – сказал Егор, что было, как мы знаем, чистой правдой. – Я даже не знаю, кто она и кто вы, но она плачет, и мне это не нравится. Вы, не знаю, быть может, её брат или знакомый, мне всё равно кто, но вы её обидели, она плачет, и вы должны извиниться.

Немой подошёл вплотную к Егору и лакированным ботинком наступил ему на ногу. Егор от боли закрыл глаза.

– Передай ей мои соболезнования, – сказал Немой.

Егор, переводя дух от боли, опустил глаза и вдруг увидел торчащую нитку в плохо пришитой пуговице на дорогом плаще Немого. Он потянул за эту нитку, и пуговица легко отвалилась, скрывшись в дорожной ямке, заполненной грязной водой.

– Вы могли потерять пуговицу, – сказал Егор и пошёл к машине.

Блин и Шляпник зашлись гомерическим хохотом, когда Немой, склоняясь над лужицей, стал выуживать со дна пуговицу.

– Этот господин был не прав, – изрёк Егор. – Он приносит вам свои извинения.

– Благодарю вас, сэр, – смеясь сквозь слезы, сказала Катя и включила зажигание.

Митя вдруг выскочил из машины и побежал к Немому.

– Митя, вернись! – закричала Катя.

Но Митя уже был рядом с Немым. Он занёс ногу и топнул по луже. На светлый плащ полетели грязные брызги. Митя вернулся в машину, и Катя, не дожидаясь дальнейшего развития событий, уехала.

– Поехали, баран! – заливался от хохота Блин.

– Немой, быстрее в машину, пока тебя не урыли в этой луже! – издевался Шляпник.

Немой, наконец, достал со дна пуговицу и был, кажется, этому очень рад.

В гостинице «Измайлово» бандитов на этаже приветливо встретила дежурная.

– На месте? – спросил Шляпник и кивнул куда-то вглубь коридора.

– Он никуда не выходит. Спускается только в ресторан по-есть, – ответила дежурная.

Шляпник вошёл в рабочее помещение с табличкой на дверях «Посторонним вход воспрещён».

Немой и Блин уселись на диван и закурили.

Через некоторое время Шляпник вышел. На нём был милицейский френч с погонами подполковника милиции. Форма была ему к лицу. Он как настоящий «ментовской важняк» пошёл по коридору. У дверей одного из номеров остановился и постучал.

Дверь открыл человек лет шестидесяти. Он, не веря глазам, смотрел на мента в погонах, словно его парализовало.

– Гражданин Ахундов? – спросил Шляпник.

– Да, – тихо подтвердил татарин.

– Подполковник уголовного розыска Татаринов.

Глава третья

о том, как опасно бизнесмену водить дружбу с бандитом, о ментах, которые гадали на кофейной гуще и ничего не выгадали, о превратностях любви, о ноже настоящем и бутафорском и о том, как один чудака пожертвовал свободой в обмен на никчёмную жизнь и в итоге проиграл

1

Пятиэтажки ночью выглядят как корабли, брошенные в безводном пространстве. Тусклый свет у подъездов навеивает тоскливый ужас. Пустынно. Тихо. В стороне от дороги, в непроглядной темноте за деревьями пробивается из щелей гаража свет. Там, за железными воротами, кипела работа. Шляпник и Амбал приклеивали на двери «копейки» трафарет с гербом СССР и синюю полоску с надписью «Милиция». На крышу водрузили оранжевую мигалку. Начали переодеваться. Джинсы-варёнки сменили на серые, казенного сукна форменные милицейские брюки. Амбал повязал галстук, застегнул китель. Шляпник шнуровал чёрные полуботинки. Симпа внимательно разглядывал на каждой детали одежды. На нём самом был милицейский китель с погонами старлея. Через плечо он перекинул портупею, застегнул на поясе ремень. В новенькую, поскрипывающую кожей кобуру

положил макарова. Всё гладко, расторопно. И вот два преданных бойца перед ним – точь-в-точь патрульные менты в ожидании приказа.

Было около четырёх утра, когда машина выехала из гаража, будто потревоженная птица выпорхнула из тёмного ущелья. Поехали тёмными переулками. Амбал укладывал машину на виражах. Шляпник сидел сзади, сцепив на коленях руки. Он размышлял. Симпа поймал в зеркале заднего вида его сосредоточенный, полный тревожного ожидания взгляд. Взгляд этот Симпе тогда не понравился, и он после пожалел о том, что вовремя не разобрался в Шляпнике.

Машина вырулила на шоссе и словно зверь, учуяв свободу, понеслась с такой яростью, будто хотела разорвать воздух.

На базе ОРСА Роспотребсоюза дежурили двое охранников. Крутой, как и обещал директору базы Михаилу Аркадьевичу Самохину, посадил крепких вооружённых парней. Всю ночь охранники резались в преферанс. Играли вплоть до того, как под окна дежурки подкатил жигулёнок с мигалкой на крыше.

– Ты разбирайся, а я сбегаю, – сказал напарник и отлучился по нужде.

Охранник оценил парней в милицейской форме и насторожился. Слишком борзый у них был вид. Он решил не открывать. Более того, подумал закрыть основную дверь – железную, но прежде надо было открыть алюминиевую, со

стеклянной филёнкой, перед которой он сейчас торчал как на экране телевизора.

Симпа заметил на груди охранника нашивку с эмблемой и понял, что налетел на вооружённую охрану.

– Отдел вневедомственной охраны, – сказал Симпа, высматривая за спиной «вохровца» напарника.

– У тебя там что-то сработало, – сказал Симпа и увидел, как охранник расстегнул кобуру.

– Сигнализация отключена, – ответил охранник.

Симпа много раз видел, как перед смертью человек менялся в лице, словно переносился в небытие ещё при жизни. Бледность на лице охранника он принял за испуг. Ситуация складывалась неблагоприятная. Убивать никто никого не собирался, и Симпа поднял два скрещённых пальца, что было сигналом к остановке операции. Но Шляпник сигнал проигнорировал или же вовсе не увидел – ему показалось, что охранник сделал лишнее движение. Поздно было что-либо менять. Он выхватил пистолет. Симпа много раз потом вспоминал, как Шляпник стрелял. И каждый раз приходил к одному и тому же: «Шляпник к выстрелу готовился».

Он выстрелил. Пуля разорвала надпись «Беркут» и попала охраннику прямо в сердце. Лёгкое ограбление, которое казалось чуть ли не прогулкой, внезапно осложнилось. Нужно было найти второго охранника, который куда-то подевался.

– Должен быть второй, – сказал Симпа Амбалу. – Не найдешь – вместо него здесь останешься.

Амбал помчался разыскивать несчастного охранника, заглядывая во все закутки.

События развивались своим чередом. К воротам склада подкатил грузовик. Немой и Блин выпрыгнули из кузова. Немой зацепился за острую оконечность крюка и порвал штанину. Блин ехидно хохотнул. Немой выругался. Стали открывать борт. Водила по кличке Шуруп видел в зеркало, как Немой порвал штанину, как открывали борт. Ему казалось, что время остановилось. Он недавно освободился из ИТК «строого» и с волей не успел свыкнуться. Водила он был классный, но психовал как новичок, потому что его за-таскали на дела, не давая продыху. У него от волнения вспотели ладони. Он вытер о штанину правую и вцепился в рычаг переключения передач.

Симпа вызвал по рации Амбала.

– Нашёл?

– Нашёл, – отозвался Амбал.

– Возвращайся, нужно открыть дверь на складе.

Амбал нашёл охранника в конце двора по отпечаткам на мокром песке. След протянулся почти через весь двор, до забора. Там, забившись в угол, сидел охранник, прикрываясь куском картона.

– Не убивай, – попросил охранник.

– Из-за тебя через весь двор пёрся, ботинки испачкал.

Раньше надо было думать, – ответил Амбал и выстрелил.

– Двойное убийство с целью ограбления. Очень плохая новость, Басов, – сказал Юрьев.

– Новость очень плохая, – согласился Андрей.

Он возился с новенькой кофеваркой, надеясь быстро сварить кофе, но быстро не получалось, и Басов нервничал. Хотелось напоить шефа до того, как тот разойдётся, потому что если разойдётся, то разозлится, а разозлится – до обеда не уймётся. Такой вот многосложный характер имел капитан милиции Юрьев.

– Запомни, Басов, новости хороши, только когда это хорошие новости, – сказал Юрьев.

– Новости, Сергей Николаевич, это не только хорошее, – возразил Басов.

– Плохое – враг хорошего, вот о чём речь, и наша задача – из худшего выуживать приличное, – расходился Юрьев, – потому что из неприличного всегда выходит дрянь.

– Я это понял, – сказал Андрей.

– Басов, не говори «понял».

– Есть.

– И «есть» не говори.

– Понял. Извините, Сергей Николаевич.

Кофе поспел, и Басов подал шефу чашку.

– Вкусно, – сказал Юрьев и сделал глоток.

Он сразу подобрел и расслабился.

– Дело вроде не наше. Как думаешь, Басов?

– Наше, Сергей Николаевич.

– Рэкет, похищение людей с целью вымогательства, воровство в особо крупных – наше. Простое убийство – не наше.

– Воровство с отягчающими последствиями – наше, Сергей Николаевич.

– Ограбление – согласен, а убийство – не наше.

– И убийство станет наше, увидите.

– Почему так думаешь?

– Звонили... – ответил Басов и тоже отведал кофе. – Если в такую рань побеспокоились, значит, считай, наше, – сказал Басов.

– Но официально пока не приказано?

– Официально – нет.

– Кто ведёт базу?

– Убийство на базе поручено расследовать Семёну Михайловичу. Он тоже звонил.

Юрьев бросился к телефону и набрал номер Семёна Мухина, старшего следователя по уголовным делам.

– Здравствуй, Сеня, – прорычал в трубку Юрьев, – не души меня своей базой, я и без того по горло в делах. База твоя, ты и занимайся. Если что-то интересное найдёшь, то звони, а не найдёшь, так и не звони.

Семён дождался, когда Юрьев закончит, и, словно возвращаясь к прерванной беседе, сказал:

– Знаешь директора Самохина? Так вот это его базу грабанули. Два трупa – охранники из агентства. Их нанял Крутой. С чего это Крутой начал вдруг распоряжаться на государственном складе? Интересно?

– Пока не очень, – уже спокойней ответил Юрьев.

– Серёга, убийство на базе поручили мне, но дело это будет наше с тобой, так как хищение «в особо крупных». Звони, интересуйся.

Юрьев бросил трубку.

– Директор базы Самохин стал Крутому вместо брата, Сергей Николаевич.

– С какого бока?

– Племянник Самохина, бывший официант Денис Радин, открывает кооперативный ресторан. Крутой, понятное дело, его прикрывает. На сегодня, кстати, открытие намечено.

– Пока мы официально не узнаем, что украдено, я пальцем не шевельну.

– Так известно, Сергей Николаевич. С базы ушла первоклассная кожа, предназначенная, разумеется, для Крутого. Крутой, возможно, в целях предосторожности, на всякий случай прислал охранников из своего окружения. А их кто-то грохнул.

– Откуда всё это, Басов?

– Товарищ Мухинас был на складе и допросил директора. Украдена первоклассная кожа на сумму примерно полмиллиона рублей.

– Ты так бы сразу и сказал.

Зазвонил телефон. Юрьев поднял трубку.

– Здравствуй, – раздался в трубке голос шефа, – тут на базе убийство; знаешь, наверное?

– Я в курсе, Борис Васильевич.

– Хищение крупное и два трупа. Без тебя, наверное, не обойдётся.

– Хорошо, я поинтересуюсь.

– Ты вот что, возьми это дело на контроль.

Шеф мялся, не знал, как сказать, что суток не пройдёт, как дело будет у Юрьева. Он не хотел обижать следователя, на котором и так было неведомо сколько дел.

Юрьев всё это понимал и ждал, когда шеф бросит разводить дипломатию и скажет всё как есть.

– Мне тут уже кое от кого звонили, просили проявить внимание, и я прошу, займись этими кожами. Всё, что для этого дела понадобится, получишь. Жду от тебя хороших новостей.

Юрьев положил трубку и посмотрел на Басова с видом человека, который был представлен к медали за доблестный труд, но медаль не получил из-за разгильдяя чиновника, включившего его по ошибке в запасной список очередников-претендентов.

– А ну, давай, Басов, ещё по чашечке твоего кофе.

– Понравился, Сергей Николаевич?

– Кофе хороший или кофеварка новая?

– И кофе хороший и кофеварка новая, – заулыбался Басов.

– А ты что так радуешься? Что это у тебя за улыбка во всю ширь лица?

– Я приятное начальнику сделал, а от него приятное мне пришло, и улыбка приятная сама на лицо пошла, – изобразил чукчу Басов.

– Ты знаешь, Басов, что сейчас мы ни с того ни с сего, на ровном, можно сказать, месте схватили ещё одно дело?

– Я говорил, что наше будет.

– Чему ты радуешься, не понимаю?

– Так ведь весна, Сергей Николаевич, за весной лето, а летом отпуск.

– Кто о чём, – вздохнул Юрьев. – Кто взял склад, как думаешь?

– Думаю, тот, кто хорошо был осведомлён о том, что на складе появился весьма ценный товар.

– Если осведомлён, зачем валить невинных людей?

– Глупо.

– Идиотизм.

– Дилетант не полезет. Проблемы одни наживёшь. Все знают, что Крутой с директором замазаны.

– Логично.

– В такое дело полезет бывалый, кто не боится авторитета Крутого, у кого собственного авторитета хватает.

– Не авторитета, а наглости.

– Там такая картина, Сергей Николаевич: стреляли через стекло. Ясно, что охранник не успел даже дверь открыть, как схватил пулю. Налицо экспромт. Второй, видимо, пытался спрятаться. Найден во дворе, далеко от места, где убит напарник.

– Короче, дали им разбежаться, как тараканам, а потом стали гоняться с мухобойкой.

– Точно. Сюрпризы и неожиданности с обеих сторон. Охранники, ничего не подозревая, резались в карты. Бандиты знали, что на складе вооружённой охраны нет. А когда напоролись, отступить было поздно.

– У меня вопрос. Откуда ты всё это успел нарыть, когда вот только сейчас исполнилось девять утра?

– Мухина позвонил, и я поехал на базу.

Юрьев отставил чашку. Басов поймал недобрый взгляд шефа. В беседе, мирно текущей, наступила кульминация.

– Да как же ты мог на такое пойти без моего разрешения? – зашипел Юрьев.

– Виноват, – тихо сказал Андрей.

– Да ты не то что виноват! Ты кругом виноват, потому что теперь я знаю, откуда у этого дела ноги выросли.

– Извините.

– Извините?!

Юрьев ударил кулаком по столу. Крышка треснула. Юрьев не поверил, что стол сломался от сравнительно несильного удара. Он посмотрел на Басова и прочитал в ехидном взгляде

напарника, что «крышка стола точно треснула».

– Сейчас же мне объяснительную записку о превышении полномочий и нарушении должностных инструкций.

– Есть.

– Басов, не говори «есть».

– Понял.

– И «понял» не говори.

– Есть. Извините.

– Где сейчас директор базы?

– На допросе у Семёна Михайловича.

Юрьев сорвался с места и выскочил из кабинета. Басов – за ним. Они промчались по коридору, поднялись по лестнице, прошли по длинному коридору и без стука ворвались в кабинет.

Следователь Семён Мухинас мирно беседовал с директором базы Самохиным.

– Извините за беспокойство, – сказал Юрьев. – Мы не помешаем. Мы тихонько посидим и послушаем.

– Следователь по особо важным делам капитан Юрьев, – представил коллегу Мухинас. – Михаил Алексеевич, нет ли у вас каких-нибудь дополнительных сведений к заявлению? – спросил Мухинас.

– Ничего не могу дополнить к тому, что уже написал, – ответил директор.

– Можно взглянуть? – спросил Юрьев и взял со стола бумагу.

– Как вы объясните присутствие на складе посторонних лиц в ночь ограбления? – спросил Юрьев.

– Простите, товарищ Юрьев, меня предупредили, что я не на допросе, а даю показания, как потерпевшая сторона, – ответил Самохин.

– Это не допрос, а дружеская беседа, – парировал Юрьев. – Отбросьте формальности и отвечайте на вопрос.

– Я хотел бы ограничиться тем, что уже сделал. Извините. Юрьев стал читать показания и, не отрываясь от бумаги, не глядя на Самохина, между прочим сказал:

– Сегодня, кажется, открытие вашего нового ресторана?

– Это не мой ресторан, – поспешил отмежеваться Самохин.

– Директор ресторана – ваш племянник.

Самохин промолчал.

– Шампанское, гости – обидно, если всё это пройдёт без вас. Жертвовать всем ради каких-то вонючих шкур, согласитесь, глупо.

– Я здесь не на допросе, я не подследственный, а пострадавший.

– Вы здесь, чтобы дать свидетельские показания, – перебил Юрьев. – За укрывательство фактов и уклонение от вопросов вы можете из свидетеля легко стать подозреваемым. Мне понадобится всего несколько минут, чтобы задержать вас на тридцать шесть часов.

Юрьев сделал паузу, давая возможность Самохину про-

никнуть в смысл сказанного.

– Как охранники Крутого оказались на вашем складе? – спросил он.

– У нас имелась договорённость.

– Вы имеете официальный договор?

– У нас устная договорённость.

– Крутой может это подтвердить?

Самохин посмотрел на следователя, пытаясь уловить в словах скрытый подвох. Без подвохов и провокаций у следователя не бывает. Он это хорошо знал. От напряжения у него на лбу выступила испарина.

– Думаю, что может, – сказал он.

– Спасибо, – сказал Юрьев.

Он вышел из кабинета так же внезапно, как вошел. Самохин понял, что подвергся допросу и пытался искать поддержки у Мухинаса, но тот уже приносил извинения за беспокойство, благодарил и больше не задерживал.

Юрьев шёл по коридору управления. Басов поспевал рядом.

– Если не найдём эти поганые шкуры, прощайся с отпуском, Басов.

– Почему? – возмутился Андрей. – Шкуры – это наша работа, а отпуск – это наше право на отдых. Какая связь, Сергей Николаевич?

– Один чудак там, «у них», не мог приехать на похороны своего дяди. Он распорядился, чтобы дядю похоронили

по высшему классу, и оплатил дорогие похороны. Через месяц ему приходит странный счёт. Он удивился и позвонил в похоронное бюро. Там ему сказали, что взяли на прокат для дяди самый дорогой фрак. Теперь чудак будет платить за прокат фрака до конца своей жизни. Шутка, Басов, но в ней мораль: если в ближайшее время не найдём шкуры, из них нашьют пальто и куртки. А мы будем продолжать с тобой искать шкуры. Искать до скончания дней. Вот такая связь, Басов.

Подполковник Крутов пил чай с сухариками в своём кабинете. Юрьев вошёл без доклада.

– Не люблю, когда тыходишь без приглашения, – сказал начальник.

– Я знаю, Борис Васильевич, что не любите, но вот и Басов скажет, что у нас срочно.

– Ну, что у вас, только быстро, – сказал он и отодвинул чай. Сухарик аккуратно положил на край стакана.

– Борис Васильевич, прошу установить наружное наблюдение за бандами Симпы и Крутого.

– За двумя сразу или за каждым отдельно? – ехидно заметил начальник.

– Прошу вашего разрешения допросить бандита Крутого.

– Во-первых, Юрьев, я просил тебя заняться ограблением склада. Во-вторых, Крутой не бандит, а предприниматель. В-третьих, при чём здесь Симпа?

– Симпа главный подозреваемый. Предлагаю, Борис Васильевич, три разных дела объединить в одно производство. Подозреваемые в деле одни и те же. Следствию так будет удобно.

– Юрьев, ты как будто первый день на работе. О чём ты просишь, подумай?

– Прошу немного. Установить наружное наблюдение за бандой Симпы.

– Юрьев, у тебя заявления от пострадавших есть?

– Заявление от пострадавшей Натальи Плоткиной. Симпа угрожает её семье.

Начальник повертел в руках бумажку и отдал Юрьеву.

– Предположим, что так, Симпа угрожает Плоткину. У них там давний «имущественный» спор. Бабу поделить не могут. Меня на эту тему и слушать не станут. Что со складом?

– Думаю, найдутся шкуры.

– Ты кого-то подозреваешь?

– Да.

– Кого?

– Симпу.

– У тебя есть улики?

– Нет.

Начальник строго посмотрел на Юрьева.

– Вот видишь. Зачем тебе Крутого допрашивать?

– Он фигурант в деле. Убитые охранники были сотрудни-

ками его фирмы.

– Найди какой-нибудь повод и поговори с ним в неофициальной обстановке. Поаккуратней с Крутым. Мне уже звонили...

– Вы уже говорили, Борис Васильевич.

– Внимательней работай со свидетелями, разъясняй, убеждай...

– Мне нужна наружка за Симпой.

– Попробую, но не обещаю.

– Сколько ждать? День? Два? Неделю?

– Оперативных групп не хватает. Не торопись. Может быть, и неделю.

– Так я буду искать вора до второго пришествия, – не выдержал Юрьев.

– Видишь, время у тебя есть, – сказал начальник. – Ступай с Богом.

Басов готовил кофе в новой кофеварке. Мрачный Юрьев тупо уставился в угол комнаты.

– А я, Сергей Николаевич, ничего такого плохого не вижу. Не так всё и плохо. Ведь он не сказал «нет», а сказал «попробую». Главное – не отказал.

– Он сказал «не обещаю».

– Не обещает, но попробует – это уже кое-что да значит. Я, Сергей Николаевич, предлагаю сейчас отвлечься на что-нибудь постороннее с целью сбережения ресурса.

– Как это?

– У нас очень низкая раскрываемость в текущем квартале, настолько низкая, что нам не видать квартальной премии. У меня есть план, как нам эту премию заработать. Вы только сразу не отвергайте, Сергей Николаевич, дело верное и нам это ничего не будет стоить.

Юрьев отхлебнул кофе и подобрел.

– Интересно, – сказал он.

– Помните дело о налётчиках в масках волков и кроликов?

– Ну да, оно к нам отношения не имеет.

– Но раскрыть его – пара-тройка пустяков! И премия у нас в кармане.

– И как ты это представляешь?

– Я нашёл в сегодняшних сводках отчёт о налёте на квартиру предпринимателя. Почерк прежний. Трое в масках. Быстро, дерзко, напористо. Раскроем это дело – шеф к нам подберет.

– А если не раскроем?

– Выиграем время. Скажем, что взяли ложный след.

– Пострадавших много?

– Хозяин квартиры.

– К нам на допрос его!

– Он не может передвигаться, думаю, по причине телесных повреждений.

– Где он?

– Дома.

– Басов, ты научился варить хороший кофе.

– Спасибо, Сергей Николаевич.

– Поехали, проведем твоего пострадавшего, – скомандовал он напарнику.

– Есть, Сергей Николаевич.

– Басов, не говори «есть».

– Понял.

– И «понял» не говори.

Аркадий Хаскин, известный антикварщик, собиратель живописи и всякой старины, был не то чтобы неудачник, а, как о нём говаривала покойная мама, «до кучи всех недоразумений прибавилось ещё одно». Накануне его ограбили тоже «по недоразумению». Грабили, понятно, по наводке, но перепутали адрес, так как квартир у него было аж три, и в той, где он находился в настоящий момент, кроме денег, ничего особенно ценного не было.

Аркадий – двойной «отказник», то есть дважды подавал на выезд из страны и дважды получал отказ. Выехал он только в девяносто первом году и не в Америку, как хотел, а в Израиль. Когда он получил разрешение на выезд через свой старинный канал в таможне, по которому переправлял на Запад иконы, он решил переправить свою коллекцию картин и антиквариата. Причём в нелегальном провозе чего-либо уже не было никакой необходимости, так как в начале девяностых можно было провозить всё, что хочешь, только

заплати пошлину. Хаскин отправил груз в Израиль, выехал следом, а когда пришёл получать груз, в контейнерах вместо картин, уникального фарфора и прочей редкой утвари оказались нестроганные доски и плохо обожжённый кирпич Одинцовского завода.

В дверь настойчиво звонили, но Аркадий открыл не сразу, он передвигался медленно и с трудом. Когда всё же дошёл до двери и открыл, то увидел перед собой Юрьева и Басова.

– Как дела? – спросил Юрьев. Он прошёл в комнату, не здороваясь, и уселся без приглашения.

– Не очень хорошо себя чувствую, – ответил Аркадий.

Выглядел он неважно.

– Присаживайтесь, – предложил Юрьев.

Хаскин, покрытый капельками пота, бледный и растерянный, спросил:

– Не возражаете, если я прилягу?

Перешли в спальню. Хаскин прилёг. Басов присел на краешек кровати и приготовился вести протокол допроса. Юрьев остался стоять, потому что сесть было не на что.

– Рассказывайте, – начал Юрьев.

– Ничего ценного не взяли, – сказал Хаскин.

Юрьев подумал, что Хаскин боится или что-то скрывает.

– Ничего ценного не взяли, но что-то всё-таки взяли? – спросил он.

– Взяли. Очень ценную египетскую вазу краснофигурного стиля. Старинная ваза, – добавил Хаскин и от боли помор-

щился.

– Нападавшие применяли к вам физическую силу? – спросил Юрьев.

– Нет.

– Вас били?

– Нет.

Юрьев подошёл к кровати и поднял край одеяла.

– Извините, Аркадий Максимович, что у вас с ногами?

– Это я сам. Обварил неосторожно, – сморозил Хаскин.

– Как-то уж очень аккуратно обварили, – не без издёвки сказал Юрьев. – Не могли бы вы расстегнуть рубашку?

– Зачем?

– Я хочу убедиться, что у вас на теле нет следов побоев и увечий.

– Это совершенно не нужно.

– Запиши, – обратился Юрьев к Басову: – «Во время беседы отказался отвечать на вопросы». Спасибо, Аркадий Максимович, извините за беспокойство. Нам здесь больше делать нечего. Будьте здоровы. Счастливо оставаться.

Басов положил листок с показаниями в папку, встал и направился к выходу вслед за Юрьевым. Они разыграли уход мастерски. Хаскин не выдержал.

– Меня пытали...

Он расстегнул рубашку и показал грудь со следами утюга.

Басов собрался записывать показания, но Юрьев остановил его.

– Аркадий Максимович, скажите честно, что вам от нас надо?

Хаскин подивился такой проницательности следователя и решил говорить правду.

– Меня вызвали на беседу в ОВИР. Я не могу появиться в таком виде, – сказал он, всё ещё сомневаясь, что среди следователей попадаются приличные люди.

– Хорошо, – примирительно сказал Юрьев, – мы дадим справку для ОВИРА, что вас вызвали к следователю для дачи свидетельских показаний. Достаточно будет?

– Достаточно...

– А вы нам подробно опишите нападавших. Хорошо?

– Да, да, конечно...

3

Скороходов понял, что вляпался в историю, когда Симпа ворвался к нему в квартиру. Он закрыл дверь в комнату и остался один на один со Скороходовым. Достал пистолет и приставил к голове перепуганного бизнесмена.

– Там было два охранника, и я их убил, – сказал Симпа.

– Я очень сожалею.

– Ты сожалеешь? Ты меня подставил!

– Нет, это ошибка. Досадное совпадение. Вину свою признаю. Я виноват.

Симпа убрал пистолет, открыл шкаф, достал бутылку ко-

ньяка, налил полстакана и выпил.

– Сто тысяч заплатишь дополнительно. По пятьдесят тысяч за каждую невинно загубленную душу.

Скороходов немного успокоился, когда понял, что Симпа хочет всего лишь поднять цену за услуги.

– Я готов заплатить разумную сумму, – сказал он, затевая торг.

– Это ещё не всё. За сколько ты договорился с «татаринном» о продаже товара, помнишь?

Скороходов виновато опустил голову. Бесплезно было отпираться. Симпа всё знал.

– Я напомню. За половину лимона. Ты облажался. Скот, ты меня хотел обмануть?!

– Погибли невинные люди, ты прав, – ответил Скороходов.

– По твоей, недоумок, вине. Ты облажался!

– Сумма большая, Симпа, мне надо время, чтобы подумать.

– Нет! – заорал на него Симпа. – Времени у тебя не осталось. Сейчас решай!

– Пусть будет, как ты сказал, сто тысяч.

– Мне нужен залог. Пятьдесят тысяч. Немедленно.

– С заказчиком кожи у нас устные договорённости. Денег пока нет.

– Ты за свою ошибку отвечаешь. Это совсем другие деньги. Залог! Без залога сделка отменяется.

– У меня таких денег нет.

– Хорошо, допустим, что денег нет. Мы не станем огорчать твою жену, снимать со стен картины, сворачивать персидские ковры. Пойдём по кругу. Вскроем пол, стены, потолок, обыщем каждый метр, и всё, что найдём, даже сверх того, пойдёт в залог. На ремонт квартиры, надеюсь, у тебя деньги найдутся?

– Симпа, у меня есть некоторая сумма...

– Ты торгуешься. Но это совсем не то, что ты должен делать. Ты сейчас это поймёшь, когда я переверну дом вверх дном. Пятьдесят тысяч!

– Тридцать тысяч сейчас и двадцать через три дня.

– Тридцать сейчас – двадцать завтра.

– Послезавтра, – упорствовал Скороходов.

– Завтра. Послезавтра, если хочешь сохранить свою шкуру, привезёшь двести тысяч и получишь товар, – поставил точку Симпа и вышел.

Скороходов ничего не ответил. На лице у него появилась виноватая улыбка, он знал, что Симпа хоть и бандит, но приличный человек, и с ним всегда можно договориться.

Уютный ресторанчик сиял новизной. Банкетный стол в центре зала ломился от бутылок и деликатесов. Сегодня никого не удивишь икрой чёрной, икрой красной. Сёмгой, осетриной, крабами, улитками в чесночном соусе, баклажанами жареными с ореховой начинкой, тигровыми креветка-

ми, лягушечьими лапками – кого удивишь? А в 80-х вид этой снеди вызывал оцепенение и дурман. Немыслимый набор угощений многих шокировал. Атмосфера была возбуждённой. Все ждали, когда начнут.

Денис Радин по кличке Официант приходился директору ограбленной базы Михаилу Алексеевичу Самохину племянником. Денис принимал гостей в белом смокинге, специально сшитом для такого случая. Видный малый, с редкими, гладко зачёсанными волосиками на макушке. Голубая тень под глазами и золотая серёжка в левом ухе.

Народа было много. Новые парочки всё прибывали. Денис встречал их и сопровождал в зал, по пути успевал перекинуться любезностями с «осереженными» лукавыми красавицами.

Дам угощали вином, девушек шампанским, отчего дамы таяли и млели, а девушки млели и таяли. Мужчинам в баре предлагали напитки покрепче.

Крутой появился в сопровождении охраны. Среди гостей прокатился лёгкий ропот, и напряжение ожидания как-то сразу спало, потому что последовало приглашение к столу. Гости, веселясь и балагурия, вприпрыжку, шутливо пританцовывая, ринулись к столу. Никто больше не чувствовал себя в гостях, и атмосфера бедлама воцарилась очень быстро.

– Друзья, – Крутой постучал ножом по бокалу, привлекая внимание гостей, – поздравим нашего друга и выпьем за его здоровье. Пожелаем ему столько счастья, сколько он сам се-

бе пожелает, и пусть будет у него столько друзей, сколько сегодня собралось в этом зале.

Он выпил под гул всеобщего одобрения и разбил бокал на счастье.

– Друзья! – выкрикнул Денис. – Ешьте, пейте, веселитесь! Добро пожаловать!

Он не собирался говорить, но слова сами выскочили – так всё в нём ликовало.

Собрание разразилось одобрительными аплодисментами. Заиграл оркестр. В зале появился Михаил Алексеевич Самохин, дядя Дениса, на чьи деньги всё это было построено и устроено. Михаил Алексеевич хотел воспользоваться шумихой и просочиться незаметно, но его заметили. Внимание гостей переключилось на него, и аплодисменты теперь были адресованы одному ему, и получилось так помпезно, как если бы чествовали героя. Он занял место рядом с Крутым, ему налили рюмку, и он встал:

– Друзья, это Денис! Это он. Его инициатива. Так что любите Дениса.

Он выпил и сел.

Предложение «любить Дениса» оборвало поток аплодисментов. Все разом стихли, словно бы вспомнили, зачем пришли и переключились на еду.

– У нас плохие новости. Ночью обокрали базу, – тихо сказал Михаил Алексеевич. – Это дело рук Симпы.

Наклоняясь к тарелке, он произнёс это так тихо, что Кру-

той вначале подумал, что ослышался и вопросительно посмотрел на Михаила Алексеевича.

– Я не верю, – мрачно сказал Крутой.

4

Лёхе день казался нудным и бесконечно длинным, потому что он рыскал по всем значным местам, разыскивая Аню, и нигде не мог найти. В баре на Горького, прямо с порога, он увидел девушек, они сидели за столиком, рядом было свободное место.

– Вот мы и встретились, – сказал Лёха, подсаживаясь.

– Здесь занято, молодой человек, – сказала Таня.

– Не сердись, – сказал Лёха, – мне понравилась твоя подруга.

Рядом с Лёхой возник Володя.

– Можно тебя на минутку? – спросил он.

Лёха встал. Они отошли к бару.

– Оставь этих девушек, – сказал Володя.

– Почему?

– Я тебя прошу.

Лёха вытащил двадцать пять рублей и положил перед Катей на стойку бара.

– Пошли этим принцессам шампанского, – сказал он.

Катя бросила бумажку в ящик стола.

– Что-нибудь ещё?

– На остальное улыбку, если, конечно, это нетрудно.

– Совсем нетрудно, – ответила Катя и подарила парню неподдельную улыбку.

В баре появился Шляпник с неизменными друзьями. Он подсел за столик к девушкам. Немой и Блин прошли в бар. Катя варила кофе и сделала вид, что прибытия гостей не заметила. Немой тяжело вздохнул. У него руки чесались прочесть строптивую Катю. Володя вернулся с бутылкой шампанского.

– Отказ, Лёха, – сказал он.

Лёха увидел за столиком рядом с девушками Шляпника, и его повело.

– Вообще-то здесь занято, – сказал Лёха Шляпнику.

– Правда? – удивился Шляпник.

Лёха сел на свободный стул.

– Вот так, – сказал он.

Немой был уже рядом.

– Можно на минутку? – спросил он.

– Меня? – удивился Лёха.

– Тебя.

Они вышли в тесный вестибюль. Немой ударил Лёху локтем в голову с такой силой, что тот отключился, втащил в туалет и бросил там на пол.

Бар на улице Горького – заведение не из дешёвых, и Егор бывал там, только когда финансы позволяли: забегал выпить чашечку кофе у симпатичной барменши Кати. Егор даже не

пытался заговорить с Катей, а уж познакомиться с такой девушкой было абсолютно нереально – всё равно что просто-му парню, пусть даже актёру заштатного театрала, стать, скажем, зятем какого-нибудь члена ЦК. Девушки такого сорта принадлежали особому кругу, тесно примыкавшему к криминалу. Репутация у них была «теневая», и это ещё одна причина, по которой к ним не подступиться. Такие барышни относились к особо пестуемой породе. Из них впоследствии получались парикмахерши, продавщицы валютных «берёзок», чаще валютные проститутки для забавы и услады заезжих иностранцев. Некоторых нередко выбирали в жёны рискованные дипломаты. Номенклатурные партшешки пользовались ими как любовницами. Спортсмены, разные художники, торгаши, бандиты с охотой брали в жёны – словом, это были девушки строгой селекции.

Катя без всяких ужимок сама дала телефон Егору, потому что он был знакомый Наташи Плоткиной. И ещё потому, что он ей понравился.

У Егора от счастья снесло крышу. Он мечтал только об одном: снова увидеть Катю. Во время вечернего спектакля, как только выдавалась свободная минутка, он бежал вниз и звонил, звонил. Но трубку брал Володя. Кати на месте не было. Верная своему обещанию, она отправилась с Симпой на вечер в Центр международной торговли. Катя побаивалась испортить с бандитом отношения. Симпа был её покровитель и какой-никакой благодетель.

Егор в предчувствии встречи был на взводе. В который раз он спустился позвонить, но висел на телефоне кто-то из «матросов», и, не дождавшись, вернулся на сцену.

В кулисах Федал и Люсьена целовались.

– Сегодня приедешь? – спросила Люсьена.

– Сегодня не смогу.

– Почему?

– Я обещал Егору. К нему едем...

– Я спрошу Егора.

– Спроси.

– Егор, – окликнула Люсьена пробежавшего Егора.

– Что?

– Ничего, – ответила Люсьена.

– Что ж не спросила?

– Я и так знаю, что ты врешь.

И она укусила Стаса. Он вскрикнул и в порыве внезапного гнева ударил Люсьену. Она заплакала.

– Прости, – обнял её Стас.

– Не трогай меня, подонок, – зарыдала Люсьена.

– Прости, прости... – целовал её Стас.

– Не верю, не верю. Ни одному твоему слову не верю. Ненавижу! Чтоб ты сдох! – выкрикнула она магическую фразу, которой частенько припечатывала любимого.

Ему каждый раз становилось не по себе от этих слов. Надев страшную маску Федала, он пошёл на сцену, где бушевала хоть и страшная, но ненастоящая гроза.

А в Центре международной торговли на сцене варьете закончилось представление и начался парад участников. Симпа достал из ведёрка со льдом бутылку шампанского.

– Прекрасный вечер, Екатерина Сергеевна!

– Я хотела бы вернуться, – сказала Катя. – У меня есть дела.

Ей не терпелось поскорей избавиться от назойливых ухаживаний Симпы и вернуться в бар. Мысли были о Егоре, она ловила себя на том, что мечтает о встрече с ним.

– Подарите один танец, Екатерина Сергеевна, – попросил Симпа.

– Один? – кокетничая, спросила Катя.

К микрофону подошёл солист и объявил:

– Эту песню посвящаем нашему дорогому другу!

Он многозначительно посмотрел в сторону Симпы.

Оркестр заиграл. Солист запел. У него была плохая дикция, к тому же он так близко подносил микрофон, что слова с трудом различались. Правда, в припеве отчётливо слышались какие-то два призыва на выбор: «стрелять так стрелять» или «кутить так кутить»; причём солист так нажимал на эти слова, вкладывая в них какой-то таинственный смысл, что деваться действительно как будто было некуда. Вещь, видно, была проверенная, потому что на призыв солиста «кутить и стрелять» откликнулись многие. Народ повалил на танцплощадку. Симпа пригласил Катю. Он бережно держал её за та-

лию и страшно волновался, охваченный каким-то гипнотическим вдохновением, и это передавалось Кате.

– Я тебя люблю, – сказал Симпа.

Катя поняла, что сейчас Симпа разразится речью. Она положила ему на грудь руку и покорно приготовилась слушать. Симпа от такого прикосновения воспламенился ещё больше и горячо заговорил:

– Я никого так никогда не любил. Ты, быть может, мне не веришь или боишься, и я тебя понимаю. Живи, как хочешь, только не забывай и обо мне, помни, что я люблю тебя больше жизни. Я таких, как ты, не встречал. Ты самая красивая, – он как будто бы стал подыскивать слова, и неожиданно добавил: – Самая нужная.

Тут слова у Симпы закончились. Он молчал, не отрывая глаз, смотрел на Катю.

– Я тебя понимаю, – сказала Катя, чтобы как-то заполнить прореху.

Симпа затаив дыхание, ждал продолжения.

– Но и ты пойми. У меня кружится голова и болит живот. Отвези меня обратно.

Они вернулись в бар на Горького. Катя поблагодарила Симпу за вечер и выскочила из машины. Не успела ступить за порог, а там Володя, передавая трубку, сказал смеясь:

– Екатерина Сергеевна, раз пять за вечер позвонил!

Стас едва поспевал за Егором, который совершенно тро-

нулся после телефонного разговора. Пьяный от счастья, мчался по коридору в гримёрку.

– Егор, будет звонить Люсьена, скажи, что я у тебя.

– А вдруг меня дома не будет?

– А где ты будешь?

– Не знаю.

Егор вбежал в гримёрку, сбрасывая на ходу костюм.

– Егор, у меня всё очень серьёзно, – продолжал Стас.

– Я вижу.

– Что мне делать, скажи?

– Бросай обеих!

– Хороший совет!

– Ты определяйся с ними. Понял? Выбирай!

Стас видел, что Егор заведён и хочет поскорей от него отвязаться.

– Вот когда у тебя такое будет, – пророчески изрёк он, – узнаешь, как это «выбери». Вспомнишь меня!

Стас был лучшим другом и сверх всякой меры обладал главным свойством Белого Кита – абсолютной свободой. Он не делал различий между Люсьеной и Еленой и любил обеих. Соперницы, каждая из своего угла, по-разному смотрели на проблему. Елена хотела, чтобы Стас в доказательство своей верности на ней женился. Люсьена была старше любовника на десять лет и, побывав замужем дважды, о семейном очаге не помышляла. Её устраивало всё как есть, нужно было только устранить соперницу. Она развернула против Елены

настоящую террористическую войну. Подсыпала стекловолокно в игровые костюмы, засовывала битое стекло в обувь. В пудру и грим подмешивала какую-то гадость, которая потом жгла лицо и не смывалась. А однажды во время спектакля, когда по ходу действия Елена должна была выпить воду из бутылки, ей подали вместо воды уксусную эссенцию. Елена сильно обожгла горло, отчего голос у нее впоследствии стал сипловатым. Только вне театра Елена чувствовала себя в безопасности, пока не села за руль старенького «москвича», который подарил ей отец, и едва не разбилась оттого, что тормоза отказали. Гаишники сказали, что из тормозного цилиндра вытекла жидкость. Вскоре после этого незнакомка подстерегла Елену у театра и пыталась выплеснуть ей в лицо серную кислоту, но споткнулась, пролила кислоту, и сама обожглась. В театре решили, что Елена заговорённая. Трагическое происшествие положило конец вражде. Во время очередной ссоры, вспыхнувшей между любовниками в гримёрке, Люсьена сгоряча схватила кинжал из театрального реквизита и бросилась на Стаса.

– Это бутафорский, – злорадно заметил Стас и достал нож, который всегда носил с собой. – Этот – настоящий. Хочешь? Ударь. Я помогу.

– Клоун! – засмеялась Люсьена. – Ты курицу не зарежешь, а корчишь из себя супермена.

Стас приставил к груди нож.

– Не веришь?

– Не верю! – презрительно бросила Люсьена.

И Стас ударил себя в грудь ножом.

Люсьена получила восемь лет тюрьмы только за одну фразу, которую выкрикнула, когда выбежала в коридор: «Я убила его!»

Но всё это случится позже. Егор действительно вспомнит, и не раз, брошенное Стасом запальчивое «выбирай». А теперь он только сдвинул брови и слегка скривился от «пафосной» фразы, которая была отнесена в будущее, как неизбежное прошлое. И вскоре он её позабыл, потому что, как писали в старых романах, страсть захватила его и закружила в урагане любви.

Он был теперь рядом с Катей и, кажется, ничего не помнил от счастья, любовался ею, слушал её голос.

– Мне интересно, а что вы потом делали, когда мы расстались? – спрашивал он о всякой чепухе, мечтая хоть об одном поцелуе.

Катя подыгрывала ему и дурашливо переспрашивала.

– А когда это, когда? Что вы имеете в виду?

– Ну тогда, после театра, когда мы расстались, и потом, что вы делали, или нет, лучше скажите, о чём вы тогда думали? Да, о чём думали тогда?

– Я думала тогда только о вас.

Егор засмеялся. Он чувствовал, что Катя идёт навстречу, почти летит. И вместо того чтобы начать сближение, он снова молот чепуху, отдалялся и прятался.

– Нет, правда? Вы так думали?

– Правда.

– Потрясающе! А мне было интересно, что вы делали?

– Правда?

– Да, потому что вы думали о том же.

– И что же это? Что вы думали о том, что думала я?

– Я подумал, что вы думаете о том же, что и я.

– Правда?

– Да.

Подтрунивая друг над другом, они резвились как два кита на морском просторе.

И когда Катя чуть не проскочила на красный, это наконец-то случилось. Она резко затормозила, бросила руль, повернулась к Егору и сказала:

– А теперь всё, о чём ты думал, сделай.

И Егор поцеловал Катю.

5

Была уже ночь, когда Аня вышла из «Интуриста» на Горького и села в такси. Таня и Аня снимали квартиру, где готовились в том числе и к экзаменам. Таня врала отцу отчасти, потому что валютным проституткам из хороших семей всё трудней было получать высшее образование. Аня мечтательно закрыла глаза, представила, как приедет, тихонько войдёт, примет душ и заснёт. Она вдруг вспомнила, что Таня

предупредила о том, что у неё сегодня Шляпник. Аня боялась Шляпника, старалась с ним не пересекаться. Всю дорогу она провела в беспокойстве и не смогла расслабиться.

Такси подкатило к самому подъезду. Аня расплатилась, дала на чай и вышла из машины. Стояла оглушительная тишина. Аня подняла голову и увидела бледное небо с редкими утренними звёздами. Ноги, словно ватные, не слушались, хотелось присесть и смотреть, смотреть на звёздное небо, и ещё слушать шум моря. Она устала и мечтала о море.

Аня вошла в подъезд. Перед её лицом взметнулся нож.

– Молчи, – тихо сказал бандит.

Аня замерла. Она ничего не видела, кроме страшного лезвия ножа, которое поблёскивало в полумраке.

– Убери нож, – услышала она голос.

В полумраке Аня разглядела парня. Он не был похож на бандита. Она попробовала улыбнуться, но вышла гримаса, мало похожая на улыбку.

– Не бойся, – сказал Крутой, – тебя и твою подругу никто не тронет.

Пока поднимались на лифте, Крутой заинтересованно разглядывал Аню. Она ему понравилась.

– Тебе можно позвонить? – спросил он.

Аня неопределённо кивнула, ей было страшно.

Шляпник проснулся, когда Аня стала открывать входную дверь. Он достал из-под подушки пистолет. Аня сделала несколько шагов и остановилась перед входом в комнату.

– Таня, выйди на минутку, – тихо позвала она.

Шляпник спрятал пистолет. Таня надела халат и вышла.

Крутой вошёл в комнату и направил фонарик на Шляпника.

– Ложись на живот и не двигайся, – сказал ему Крутой.

Шляпник лёг, как велели.

Ему завели назад руки, надели наручники и связали ноги.

– Я хотел бы видеть одну только отрезанную твою голову, которая скажет «да» или «нет», – сказал Крутой. – Тело, как ты понимаешь, для этого ни к чему, и ты сейчас от него навсегда освободишься, если, конечно, голова не кожей обтянутый глобус и сообразит, что сказать «нет» – значит не сказать «да».

Бандиты помогли Шляпнику подняться и подвели к окну. Свободный конец верёвки один из бандитов прикрепил к радиатору отопления. На конце верёвки был альпинистский карабин, и бандит защёлкнул его на трубе. Крутой открыл окно и достал из сумки охотничий нож.

– На всё у тебя тридцать секунд, но может быть, я и ошибаюсь, если вдруг нечаянно оторвётся труба или верёвка оборвётся – ты парень здоровый. За борт его.

Шляпника усадили на подоконник.

– Я вижу, ты совсем не расположен к беседе, – сказал Крутой. – Я тоже не в духе. Смотри.

Он отстегнул от радиатора карабин, и кончик верёвки показал Шляпнику.

– Ты свободен.

– Я пожертвую свободой в обмен на свою никчёмную жизнь, – поспешил ответить Шляпник.

– Я не ошибся в тебе. Ты не глупый малый, – сказал Крутой.

Глава четвёртая

о том, как счастье легко сменяется на несчастье ввиду закона китобоя. О «рыбе на лине и ничьей рыбе» и как это действует в повседневной жизни. О том, какая связь между ворованной кожей, дыркой в черепе и «ничьей рыбой»

1

Егор проснулся и тотчас вспомнил, где находится. Он огляделся. На тумбочке под стаканом апельсинового сока лежала записка. В ней было три слова, не таких уж редких, чтобы удивиться, но и не простых, если вдуматься.

«Я люблю тебя», – прочитал Егор. Он стал целовать записку и бегать с ней по комнате.

В японском телевизоре раздался щелчок. Под ним на полке включился видеомэагнитофон. На экране появилась Катя.

– Доброе утро, дорогой, – сказала она. – Ты сладко спал, я не стала тебя будить. Мне так захотелось поговорить с тобой. И вот я говорю. Ты очень сильный, смелый, какой мне нужен. Я тебя ждала. Долго ждала...

Она помолчала, пристально глядя в камеру, будто в самом деле видела перед собой Егора.

– Я хочу, чтобы тебе понравилось у меня. Если соскучишься, позвони. А ещё лучше – приезжай. Буду ждать.

Запись кончилась.

Егор сидел не шевелясь и думал о том, «как бы не сойти с ума от счастья и что бы такое придумать, чтобы счастье продлить навсегда». Для начала он выпил апельсиновый сок и слегка пришёл в себя, но снова стал перечитывать записку, расхаживая и пританцовывая по квартире в одних трусах, как помешанный.

В жизни, однако, так случается, что счастье неожиданно сменяется на что-то противоположное, то есть не то чтобы на полное несчастье, а так, на что-то несколько замутнённое, подпорченное, как бы слегка покорябанное, – наверное, для сохранения баланса или, как говорят, чтоб жизнь мёдом не казалась.

В дверь позвонили. Егор натянул брюки, босиком выскок в коридор-тамбур и открыл дверь навстречу судьбе.

Парень в маске кролика ткнул в него макартовым и едва не выбил глаз. Егор отпрыгнул и прижался к стене. Двое других парней в масках поросёнка и волка пронесли мимо с огромными сумками.

– Иди, – командовал «кролик» Егору.

Прошли в комнату. Там парни орудовали с такой быстротой и ловкостью, что квартира опустошалась на глазах. Особенно досталось платяному шкафу.

В нём обнаружилось множество интересных вещей. Товар был сплошь импортный и отменного качества. С таким ассортиментом, даже по нынешним меркам, можно было от-

крыть дорогой бутик.

Катя не была чужда коммерции. Кроме основной работы, она приторговывала ещё разным дефицитом, что было характерно для той поры. Надо непременно отметить, что люди, пережившие в лихолетье нужду, атеизм и коммунизм, не сразу пришли к новым ценностям и по старой привычке продолжали перетаскивать в обновлённый мир «демократии» прежние суррогаты свободы, без которых настоящую свободу они ощутить в полной мере не могли, и счастье было не счастьем, то есть счастьем не полным без того, чтобы не припрятать на дне комода или лакированной «ольховки» то, чего не было у других. Но так как счастье было всеобщим, пользоваться им без зазрения мог теперь каждый и всякий, то недостающие атрибуты «счастья» можно было добыть путём отъёма или перераспределения того самого украденного, награбленного, усохшего, обвешанного, разбавленного, недомеренного, что находилось в полном согласовании с законом китобоя.

Счастье, которое переживал Егор, было наподобие «тульского самовара», с которым действительно лучше сидеть дома, а не разгуливать по квартирам незнакомых подруг. Словом, он как бы не дотягивал на «машине времени» до «всеобщего счастья», и машина эта, надо отдать ей должное, не стремилась его переехать, а так аккуратно вроде бы собиралась обрулить.

Егор видел, как в бездонных мешках исчезали платья,

плащи, куртки, обувь. Вот аккуратно свернули шубу из норки и засунули в мешок. Шуба из каракуля отправилась туда же. Следом полетела дублёрка. За ней ещё шуба и опять дублёрка. Бесчисленные наборы косметики, духи. Всего не перечсть. Дошла, наконец, очередь и до предметов, так сказать, не первой необходимости.

Когда видеомэгнитофон уже отправился в сумку и «поросёнок» готов был сумку закрыть, Егор не выдержал.

– Там кассета, достань, пожалуйста.

Из всего ему по-настоящему стало жалко только эту кассету.

– Там порнуха? – спросил «кролик».

– Достань кассету, – попросил Егор.

«Кролик» понял, что парень скорее сам сядет в мешок, чем расстанется с дерьмовой пластмассовой коробкой.

– Отдай кассету, – сказал он.

Понадобилось время, чтобы вытащить мэгнитофон, подключить его к розетке, потом ещё ждать, когда он соизволит выплюнуть кассету.

– Копайся тут с тобой! – сказал «поросёнок», возвращая Егору кассету.

Он недовольно хрюкнул и снова стал запихивать мэгнитофон в сумку.

– Ты актёр? – неожиданно спросил «кролик».

– Мне полагается скидка? – поинтересовался Егор.

Он делано усмехнулся, будто на самом деле обрадовался.

– Сколько зарабатывает актёр на Западе, знаешь?

– Знаю.

– А вы что ж за свои права не боретесь?

– Лохи, – равнодушно ответил Егор.

Парни потащили мешки к лифту.

– Ты выбирай себе подружек, – посоветовал «кролик», – а то в другой раз просто так пулю схватишь. Иди сюда.

Он открыл дверь в ванную.

– Здесь посидишь. Не высовывайся, пока не уйдём. Понял?

Он закрыл дверь.

Как только «маски» загрузились в лифт, Егор вышел из ванной и огляделся. В квартире, как положено после налёта, всё было перевёрнуто. Зато кассета у него в руках. Самая ценная вещь.

– Фонтан на горизонте! – заорал Егор и бросился к дверям.

Перепрыгивая через ступени, словно перелетая с этажа на этаж, больно ударяясь босыми ногами о бетонный пол, Егор мчался вниз по лестнице.

Выскочив на улицу, он успел разглядеть номер на машине.

Возле дома на лавочке сидела бабушка.

– Бабуля, какой это номер дома? – спросил у неё Егор.

– Дом-то как дом, – ответила бабушка.

– А улица, какая?

– А это и не улица, сынок, а переулок.

Егор скрылся в подъезде, а бабушка вздохнула и со знанием дела помыслила:

– Ограбили, значит, давеча...

А Егор диктовал уже по телефону номер автомобиля и описывал приметы налётчиков.

Юрьев и Басов пили в кабинете кофе, когда пришла новость о налёте на квартиру.

– Это они, Сергей Николаевич! – закричал Басов.

– Поезжай на квартиру, проверь, – спокойно сказал Юрьев. – Может, это вовсе и не те, кто нам нужен.

– Они, Сергей Николаевич, наши зверята! – закричал счастливый Басов. – Разрешите позвонить Семёну Михайловичу Мухинасу. В порядке, так сказать, шефства и личной инициативы поддержать «уголовку». Нам-то их лавры не нужны. Мы своего достигли. Премия у нас в кармане. Поделится, пусть козыряют.

– Басов, нравится мне твой подход к делу всё больше и больше. Звони, – скомандовал Юрьев.

– Есть!

– Не говори «есть», Басов.

– Понял.

– И «понял» не говори. Хорошо?

– Как скажете, товарищ командир.

В квартире Кати работала следственная бригада. Егор на

кухне писал свидетельские показания. Басов готовил статистов к опознанию. Семён Мухинас объяснял Кате предстоящую процедуру опознания.

– Екатерина Сергеевна, вам предстоит опознать одного из преступников. Двое других будут статисты. Задача непростая. Дело в том, что ваш друг, ставший жертвой нападения, нападавших не мог разглядеть, так как у них на лицах были маски. Но мы предполагаем, что один из нападавших вам знаком. Сначала опознание проведёт Егор Петрович. Потом вы.

Басов вошёл в кухню и обратился к Егору.

– Егор Петрович, сейчас мы проведём опознание. Вам будет трудно, но постарайтесь сосредоточиться и вспомнить какие-нибудь детали одежды или особые приметы налётчика.

– Я легко вспомню. У «кролика» были новые кроссовки «Адидас».

– Хорошо. Начнём. Сейчас по очереди введут разных людей в маски. Вам нужно будет признать одного из них. Пожалуйста. Введите подозреваемого.

В кухню вошёл человек в маске кролика. У него на ногах были стоптанные туфли. Из-под рубахи торчали натруженные руки.

– Нет, – сказал Егор. – Это не он.

– Спасибо, – ответил Басов.

Его прямо распирало от счастья. Всё шло по сценарию,

как он и предвидел. Оставалось только немного подождать. И это ожидание доставляло ему особенное удовлетворение.

– Введите следующего, – попросил он.

На ногах у другого подозреваемого были летние босоножки не очень опрятного вида. Егор его немедленно отверг.

– Это не он.

Когда вошёл третий, Егор улыбнулся, словно встретил старого знакомого.

– Привет, хорёк! – воскликнул он. – То есть, извиняюсь, «кролик».

На ногах у «кролика» были новенькие кроссовки «Адидас», как и предсказывал Егор.

– Егор Петрович, – обратился Басов, – скажите, пожалуйста, узнаёте ли вы в этом человеке в маске кролика того самого человека, который совершил вероломное нападение на вас?

– Да, это тот самый «кролик» и есть. Здорово, ушастый!

– Подозреваемый, снимите маску.

– Гюльчатай, открой личико, – съязвил Егор.

Парень нехотя стащил маску.

Это был Лёха.

– Так вот ты какой, северный олень, – сказал Егор.

– Зря ты зубоскалишь, земля, – зло сказал Лёха.

– Извини, ты смешной без маски, – ответил Егор.

Лёха промолчал. Он разглядывал Егора с любопытством. Ему показалось, что он недооценил парня, у которого на

ногах были такие же, как у него, новенькие кроссовки «Адидас».

– Теперь вы, – обратился Мухинас к Кате. – Готовы?

– Да, – ответила Катя неуверенно.

Она не до конца понимала свою роль, и всё время искала взглядом Егора.

– Прошу вас, – сказал следователь, приглашая Катю в комнату.

Он взял Катю под локоток и незаметно приблизил к себе.

Будучи настоящим ценителем женской красоты, он неосторожно обнаружил повадки женского прилипалы. Катя привыкла к назойливым знакам внимания со стороны мужчин и спокойно приняла ухаживание следователя.

– Понимаю ваше состояние, Екатерина Сергеевна, кроме всего, этого ещё и неприятно. Что делать, придётся немного потерпеть, – сказал следователь.

– Да уж потерпим, – ответила Катя и деликатно высвободила руку.

Лёху Катя сразу узнала.

– Этих людей я вижу впервые, но сказать, кто из них есть кто, наверное, смогу.

– Вы хотите сказать, – уточнил Мухинас, что смогли бы указать того, кто, по-вашему, участвовал в ограблении квартиры?

– Да, – ответила Катя, – его я уже видела.

– Пожалуйста, подумайте, не торопитесь.

– Этот, – указала на Лёху Катя.

– Вы с ним знакомы?

– Видела несколько раз в баре.

– Вы с ним разговаривали? Он вас о чём-нибудь расспрашивал?

– Нет.

– Подозреваемый, вам знакома эта женщина?

– Хотелось бы с ней ближе познакомиться, – ответил Лёха.

– Телефон свой я тебе в капэзэ пришлю, – ответила Катя.

– Заявив дежурному об ограблении квартиры, вы, Егор Петрович, указали на то, что преступники были вооружены. Так ли это? – спросил следователь, читая показания Егора.

Егор посмотрел на Катю. Она, нахмутив брови, категорически давала понять, что он не должен говорить о пистолете. Егору стало смешно. Это было похоже на игру, в которой один задавал вопросы, а другой отвечал, третий же пытался изменить ход поединка и давал неверные подсказки.

– Да, мне показалось, что они были вооружены, – ответил Егор.

– При задержании у преступников был изъят пистолет. Вы видели пистолет у кого-нибудь из нападавших?

Егор задумался. Он хоть и не знал нюансов уголовного кодекса, всё же догадывался, что за ношение оружия полагается совсем другая статья.

– Нет, – ответил Егор.

– Как это понимать, Егор Петрович? – пытался уточнить

Мухинас.

Егор немного замешкался, он не хотел, чтобы Катя подумала, будто его плющит от одного её взгляда. И он решил, что лучше спороть чушь, чем оказаться податливой размазней.

– Это надо понимать так, что собственность есть половина закона, – начал цитировать Егор из «Моби Дика». – Сила и власть этого закона распространяется на весь мир, на всё живое. Всюду будет разлито, подобно смертельной заразе, куда ни кинься, всюду услышишь: «рыба на лине принадлежит владельцу лinya» и «ничья рыба принадлежит тому, кто первый сумеет её выловить».

– Что за чушь? – спросил Мухинас.

– Закон китобоя, – ответил Егор. – При особых обстоятельствах и сверхчеловеческих потребностях «собственность – это весь закон, а не его половина». Что есть ограбление квартиры в сравнении с перестройкой или денежной реформой? Всё та же «ничья рыба на лине».

– Егор Петрович, – настаивал следователь, – ответьте, пожалуйста, на мой вопрос: вам угрожали пистолетом?

– Нет, – уверенно сказал Егор.

Мухинас понял, что в тупике, и решил сменить тему.

– Можно позвонить? – спросил он Катю.

Не дожидаясь ответа, прошёл на кухню и стал звонить по телефону.

– Товарищ подполковник, докладывает Мухинас. Взяли

«зверят». Пацаны. С поличным. Голливудское кино. Свидетелей допросили. Дело можно передавать в суд хоть завтра. Спасибо, товарищ полковник. Спасибо. Есть.

Он положил трубку и взглянул на Басова.

– Закон китобоя – это что, Басов?

– Это из романа «Моби Дик».

– Хорошо, роман, а почему Егор Петров от показаний отказался? Почему наличие пистолета не подтвердил?

– Потому что «рыба на лине принадлежит владельцу лinya». Он у него теперь на крючке. На лине.

– Поясни.

– Он, налётчик, у него в собственности, Семён Михайлович. Делай с ним, что хочешь.

– А точнее, Басов, – напрягся Семён.

– Вор этот у Егора Петровича стал рыбой на лине. А «рыба на лине принадлежит владельцу лinya».

– Спасибо, Басов, доходчиво объяснил, – сердито буркнул Мухинас и направился к выходу.

– Поручаю тебе написать отчёт об этом деле. Как думаешь, справишься?

– Легко, Семён Михайлович.

– А роман этот, как ты сказал?

– «Моби Дик».

– Подгони мне как-нибудь в целях ознакомления.

– Есть подогнать «Моби Дика»! – ответил Басов.

Когда следаки ушли, Катя обняла Егора.

– Я так соскучилась. Всё думала, под каким предлогом удрать с работы, чтобы встретиться с тобой.

– А я неплохо это устроил, правда? – спросил Егор.

Это ограбление имело некоторую мистическую связь с будущим и странным образом повторилось в виде фарса, словно Егору, разболтанному шалопаю, намекали на важность причины, вытекающей из какого-никакого следствия. «Моби Дик» был премьерный спектакль, и его ставили без конца, как будто ничего другого в репертуаре театра не существовало. У зрителей спектакль успехом не пользовался, посещаемость падала, и директор вопреки просьбам режиссёра ставил его на детские утренники, чтобы покрыть издержки на постановку. И вот, во время утренника, когда вахтёр Семён Степанович, кратко именуемый СС, мирно дремал, зазвонил телефон. Спросили Петрова. Егор, уверенный, что звонит Катя, помчался со всех ног, перепрыгивая через ступени, будто Персей, получивший от нимф шлем и крылатые сандалии.

– Кто, Степаныч?! – крикнул Егор.

– Дама, – ответственно доложил Степанович.

Звонила Наташа Плоткина. Она просила Егора посидеть с Митей до её возвращения. После всего того, что случилось, она боялась больше всего за Митю и не оставляла его без присмотра.

– Наташенька, не волнуйтесь, после спектакля я сразу до-

мой. С Митей буду, сколько понадобится, – заверил Егор.

На сцене в это время команда гребцов пустилась в погоню за китом. Гребцы гребли изо всех сил и поглядывали в кулисы. Ждали Егора.

– Коленька, поддержи музыку, – сказала Галка в переговорник.

– Держим пока, – откликнулся радист.

– Петров на сцену, Петров ваш выход! – вызывала Галка. – Господи, я когда-нибудь умру за этим пультом.

Гребцы гребли и с ненавистью смотрели на Галку.

– Сейчас, миленькие, потерпите. Идёт, идёт...

Наконец появился Егор.

– Господи, зачем ты придумал Петрова, – сказала Галка, поедая Егора влюблённым взором.

– Навались, молодцы! – закричал Егор, выбегая на сцену. – В лодке уже трава проросла, а мачта почками пошла! Так не годится. Вот плывут три тысячи долларов! Просто целый банк! Вспомните ребята, закон китобоя!

И гребцы закричали: «Рыба на лине принадлежит владельцу лinya!»

– И это первый закон китобоя! – выкрикнул Егор.

Он неожиданно перешагнул через борт вельбота и пошёл по «морской глади» прямо к рампе. Это вызвало восторг зрителей.

– Что такое «рыба на лине»? – спросил он зрителей. – Мёртвая или живая рыба считается взятой на лине, если она

связана с китобойцем или вельботом посредством мачты, весла, троса, телеграфного провода или паутины – безразлично. Так однажды в споре о загарпуненном ките защитник одной из сторон сослался на известное дело о нарушении супружеской верности, когда один джентльмен после долгих попыток обуздать злой нрав своей супруги оставил её в конце концов в жизненном море. Однако по прошествии многих лет он раскаялся в этом поступке и вчинил иск о вторичном введении себя в права владения над ней. «Хотя джентльмен и первым загарпунил подзащитную, – сказал защитник, – и какое-то время держал её на лине, но всё-таки он её оставил, и она сделалась ничьей рыбой, так что когда впоследствии другой джентльмен вторично загарпунил её, леди перешла в собственность этого последующего джентльмена вместе со всеми прочими гарпунами, какие бы в ней уже ни торчали».

Гребцы испытали восторг от этих слов и одобрительно закричали: «Рыба на лине!»

– Не забывайте, ребята и о ничьей рыбе! – выкрикнул Егор. – Эти сдвоенные законы – основа человеческой юриспруденции, ибо храм Закона, подобно храму филистимлян, покоится лишь на двух столбах.

«Ничья рыба принадлежит тому, кто первый сумеет её выловить!» – закричали гребцы.

– И это второй закон китобоя! – продолжал Егор. – Разве не у всех на устах изречение: «Собственность – половина закона?» – то есть независимо от того, каким путём данный

предмет стал чьей-то собственностью. Но часто собственность – это весь закон, а не половина. Что представляют собой, например, мускулы и души крепостных в России или рабов Республики Нового Света, как не «рыбу на лине», собственность, на которую и есть весь закон?

В тот момент, когда гарпунщики загорланили: «Рыба на лине» и зал наполнился громовой музыкой, на служебном входе появилась женщина. Степаныч даже привстал с места, чтобы приветствовать даму, внешность которой способна была поразить самое яркое воображение.

– Я хотела бы видеть Егора Петрова, – сказала женщина тихим приятным голосом.

Она бросила на Степаныча острый взгляд и тут же опустила глаза, заранее зная, какое сокрушительное действие на окружающих производит её внешность.

СС, прослуживший в органах долгие годы, отметил, что женщина с Петровым не знакома, так как она слышала по трансляции голос Егора, но никак не среагировала. Эта маленькая интрига заставила его приосаниться. Впервые он видел, чтобы такая красавица интересовалась таким шалопаем, как Егор Петров.

– Непременно и сей же час, – доложил СС и стал звонить.

На пульте помощника режиссёра загорелась красная лампочка. Галка подняла трубку.

– Петрова немедленно вниз. Ждут, – отчеканил вахтёр.

На сцене Егор продолжал нескончаемый монолог о «рыбе

на лине».

– Но если доктрина о «рыбе на лине» находит столь широкое применение, то доктрина о «ничьей рыбе» имеет всемирное, вселенское применение.

«Ничья рыба!» – заорали гребцы и как один схватились за гарпуны.

– Чем, если не «ничьей рыбой», была Америка, когда Колумб воткнул в неё испанский штандарт? Чем была Польша для русского царя? Или Греция для турок? Или Индия для Англии? Чем, наконец, будет Техас для Соединённых Штатов? Опять-таки «ничья рыба». Что такое Права Человека и Свобода всех народов, как не «ничья рыба»? И разве не являются «ничьей рыбой» умы и мнения всех людей? Или их религиозные верования? Разве для ловкачей-начетчиков и буквоедов мысли мудрецов не служат «ничьей рыбой»? И сам шар земной не просто ли «ничья рыба»? Да и ты, зритель, разве ты не «ничья рыба» и одновременно разве не «рыба на лине»?

«Рыба на лине!» – заорали гарпунщики и метнули в зрителей воображаемые гарпуны.

Зрители единодушно поддержали эту выходку режиссёра дружными аплодисментами. Снова загрохотала музыка, а Егор вышел за кулисы.

– Тебя внизу спрашивают, – сказала Галка, – не опаздывай, умоляю.

Егор помчался вниз. Увидев женщину, он подумал, что в

его жизни начались сказочные приключения.

Женщина курила. Это было невероятно, так как совершенно невозможно было по причине строжайших запретов со стороны СС курить на «служебной территории». Егор слегка притормозил, стараясь рассмотреть женщину. Он поймал себя на том, что если встретит её где-нибудь снова, то не узнает. Черты её лица были скрыты какой-то таинственной цветовой формой. Кроме того, растворялись в голубом сигаретном дыму, необычайно ароматном. «Дело, – подумал Егор, – в синей шляпе». Синяя шляпа в сочетании с ярко-жёлтой блузкой под чёрным пиджаком придавала всему остальному оттенок зелёного, так что Егор видел женщину неясно, будто скрытой под вуалью прозрачной молодой зелени. Объяснить такое явление можно тем, что жёлтый цвет, граничащий с назойливостью и безумием, проявил центробежное движение, а синий, обладающий движением центростремительным, явил собой противоположность жёлтому – таким образом, оба движения, синего и жёлтого, были парализованы зелёным и выражали состояние невидимого покоя. Кроме того, чёрный, способный поглощать любой цвет, а чёрными были и пиджак, и юбка, поглощал остальное, так что Егор видел «зелёную женщину», или само «невидимое». И то и другое верно, ибо явление покоя находит в зелёном отражение. «Очень похоже на Белого Кита», – подумал он.

– Простите, что отнимаю у вас время, – просто сказала женщина, – я хочу просить вас не отказать мне в одной

просьбе.

Егор подумал, что не сможет отказать этой женщине ни в чём, о чём бы она его ни просила.

– Возможно, вам ещё придётся давать показания следователю. Будьте любезны, скажите то, что уже сказали сегодня. Что никакого пистолета не было. И никто вам не угрожал.

Егор был шокирован. Он не мог увязать эту женщину с недавним происшествием. Ему хотелось романтического флёра и загадки. Загадка, кстати, куда-то исчезла, и женщина больше не казалась мистической красавицей. Реальность сама собой быстро обрела строгие черты. Егор моментально просёк, что от него хотят.

– Можете не сомневаться, на суде я повторю слово в слово то, что уже сказал.

Егор хотел получить в награду хотя бы ещё одну улыбку.

– До суда вряд ли дойдёт, – тихо сказала женщина. – Спасибо вам. – Она протянула Егору запечатанный конверт. – Вы такой милый.

И она улыбнулась.

Эта улыбка, если правильно выразиться, вскрыла зрительный нерв Егору и навсегда отпечаталась на сетчатке глаза.

Женщина медленно направилась к выходу, а Егор распечатал конверт.

Сто зелёных билетов достоинством в пятьдесят рублей каждый скромно уместились в пятикопеечном конверте.

Егор сунул конверт за голенище сапога.

– Ты понял, СС? – спросил Егор вахтёра.

– Что? – спросил в свою очередь вахтёр.

– Что в жизни на вторые роли выбирают сокрушительных женщин.

– Да, одна такая встреча – и человек инвалид, – согласился СС.

После спектакля Егор, как и обещал Наташе, поспешил домой, чтобы скрасить одиночество юного Плоткина.

Митя смотрел на видео «Моби Дик», когда в дверь позвонили. Он заглянул в глазок и увидел на пороге Егора.

– Фонтан на горизонте! – закричал Егор, сложив руки ру-пором.

Митя, еле сдерживаясь от смеха, открыл дверь. У Егора пульс скакнул примерно на сто двадцать, когда он увидел на Мите маску покойного генерального секретаря Брежнева, а в руках револьвер девятого калибра. Револьвер был игрушечный, но выглядел как настоящий. Он был куплен в магазине детской игрушки в одной из стран «развитого капитализма». Маска передавала не то чтобы сходство с бывшим генсеком, а была как бы воскресшей копией того, кого не так давно с надеждой и долготерпением проводили.

– Не двигайся, – сказал Митя, – стреляю.

Он навёл, пусть игрушечный, – но приятного мало, кто понимает, – ствол револьвера. Тоска и досада охватили Егора, потому что ему пришлось второй раз пережить тошно-

творное чувство страха. Он задумал проучить Митю.

– Нет, нет! – закричал Егор и, вытаращив глаза, начал шарить по стене руками, пытаюсь нажать кнопку лифта.

Митя взял его на мушку и стал стрелять. Судорожно вздрагивая от воображаемых пуль, Егор упал и, корчась, умер под крышкой мусоропровода. Он лежал на грязном полу без движения. Смерть выглядела натурально. Митя смутился, сдёрнул маску и готов был расплакаться, забыв, что эта игра им самим придумана. Он вернулся в комнату, сел в кресло и отбросил маску. Руки у него дрожали. В глазах стояли слёзы.

Егор вошёл в комнату.

– Эй!

– Больше не играю, – сказал Митя и отшвырнул пистолет.

– Испугался? – спросил Егор.

– Да, – честно признался Митя.

– Я, брат Митя, тоже от страха чуть в штаны не наделал.

– Почему? – спросил Митя.

– Я подумал, что ты хочешь меня убить.

Митя обнял Егора и заплакал.

– Я больше не буду в это играть, никогда.

– Правильно, малыш, плохая игра.

– Я так испугался. Ты так умер, как по-настоящему, как живой...

– Ты по-настоящему в меня стрелял.

– Но это же игра, – заливался слезами Митя, – я пошутил.

– Поэтому я живой.

Митя не мог нарадоваться, что перед ним живой и невредимый Егор. Это было как в сказке, но по-настоящему, совсем как в жизни.

2

– Куча денег, – определила Катя, когда Егор выложил перед ней конверт с деньгами.

– Мне принесли это в театр. Просили забыть о пистолете и обо всём остальном, – сказал Егор.

– Поздравляю, ты заработал приличные деньги, – неосторожно пошутила Катя.

– Ты считаешь, я их заработал? – серьёзно спросил Егор. Он зацепился за слово «заработал».

– Я тоже так подумал. Как ни вертел, ни крутил, получается, что деньги заработаны.

Катя почувствовала неприятный холодок.

– Во всяком случае, эти деньги твои, – сказала она осторожно.

– Ты так думаешь? – спросил Егор.

Он подумал, что если и может поссориться с Катей, то это случится именно теперь.

– Думаю, да, – твёрдо ответила Катя.

– А я так думаю, что деньги твои. Ты посоветовала мне молчать.

«Боже мой, эти дурацкие деньги могут в одну секунду сделать меня несчастной, – пронеслось в голове у Кати. – Да пусть он хоть сожжёт их или спустит в унитаз, только бы не смотрел так и ни о чём больше не спрашивал».

– Значит, я помогла тебе заработать? – спросила она весело.

Егор увидел, как Катя разволновалась, она или не просекала до конца или не хотела ничего знать про деньги. «Даже если я съем эти бабки у неё на глазах, она и бровью не шевельнёт», – подумал он.

– Возможно, есть какой-то высший замысел в том, чтобы считать меня «ничьей рыбой» и одновременно «рыбой на лине», – сказал Егор. – Деньги есть деньги, всегда на что-нибудь сгодятся, – добавил он и спрятал конверт в карман.

Он улыбнулся, как будто никакого разговора и не было. Катя была счастлива такой развязке.

– Я тебя обожаю!

Она наклонилась, чтобы поцеловать Егора, и увидела, как в бар вошли бандиты Симпы – Немой и Блин.

– Посиди минутку, ко мне пришли, – сказала Катя. – Не оборачивайся, умоляю.

В зеркале Егор узнал бандита, которому давеча отвинтил пуговицу на плаще. Хорошо было видно, как Катя выложила перед ним «кирпич» денег. Немой сгрёб бабки и отвалил.

Катя достала бутылку коньяка и подмигнула Егору.

– Иди сюда. Сейчас мы с тобой выпьем.

Руки у неё сильно дрожали. Коньяк проливался на стойку. Егор взял у неё бутылку и разлил по рюмкам.

– Это рэкет? – спросил он.

– Да, дорогой, это то, что ты сказал.

– Ты им платишь?

– Пусть это тебя не волнует. Выпьем за нас.

Егор опрокинул рюмку. Катя посмотрела, как Егор выпил.

Улыбнулась и тоже сделала глоток.

– Катя, я никогда ни во что не вмешиваюсь, – сказал Егор.

– Я это помню, – ответила Катя.

– Но так быть не должно...

Катя взяла в ладони лицо Егора и поцеловала.

– Так было и всегда будет, – сказала она. – Наплевать на них.

– Это неправильно, – сказал Егор.

– Наоборот, это игра, и в ней есть правила. Ты, например, работаешь в театре и тоже отдаёшь своё время и свой талант режиссёру. Он из этого делает спектакль. Он тоже тебя использует. И ты от него зависишь. Ты же не говоришь режиссёру: «Репетировать не буду»? Иначе спектакля не будет. За всё надо платить. Ты платишь. И я плачу. Все платят.

– Есть, кто не платит?

– Нет таких, – уверенно сказала Катя.

– Например, открыл я кафе, тихо сижу и не плачу.

Катя рассмеялась.

– Какое-то время так можно. Потом всё равно выяснят,

что ты никому не платишь, и придут. Ещё больше запла-
тишь. Всё по закону.

– Я плачу государству налоги. Так?

– Так.

– Почему государство меня не защищает?

– Должно защищать, но не защищает.

– Почему?

– Не знаю, наверное, всем так выгодно.

– Выгодно, чтобы были бедные?

– Ну да, если государство бедное, то ему выгодно народ
слегка припугнуть.

– А если очень бедное, то сильно можно «припугнуть»?

– Может быть, и так.

– А если наоборот. Очень сильное государство и очень
бедный народ? Что тогда?

– Этого я не знаю.

– Тогда вся рыба на лине принадлежит владельцу лinya, а
ничья рыба принадлежит тому, кто первый сумеет её выло-
вить. Так?

– Есть ещё Закон Божий. Он управляет совестью. Мы,
правда, мало что о нём знаем. С детства не приучены. И всё
же... Можно не признавать никаких законов, но совесть-то
у каждого есть. Нравится или не нравится, хочется или не
хочется, всё равно рано или поздно – отвечать перед Богом
придётся.

– Скажи, если я попрошу тебя удрать с работы, это будет

по закону или по совести?

– Это будет классно!

3

Был поздний вечер, когда Скороходов укладывал деньги в кейс. Зелёные пачки, перевязанные банковской лентой, ровными рядами ложились на дно. Вид крупных денег возбуждал. Скороходов шумно вздыхал и утирал испарину со лба.

– Боже мой, такие деньги... – причитал Скороходов.

Он закрыл кейс и перевернул колёсики номерного замка. Зазвонил телефон. Скороходов от неожиданности вздрогнул.

Симпа звонил из таксофона.

– Встречаем, – откликнулся Скороходов.

– Передай привет дяде, – сказал Симпа.

Это был сигнал к началу операции. План был прост. Люди Симпы в нужное место вывозили кожу, Ахундов её получал, а Скороходов должен был передать через посредника деньги. И вскоре из гостиницы «Измайлово» вышел Ахундов и сел в поджидающий его жигулёнок. У метро «Измайлово» повернули налево и поехали в сторону Центральной аллеи, что пересекает Измайловский лесопарк. За ними пристроилась «газель».

– Держись за жигулёнком, – сказал Амбал Шурупу.

На нём была милицейская форма, он то и дело поправлял

галстук, который сдавливал шею. Амбал, конечно, не Шуруп, который от каждого шороха вздрагивал, но тоже ещё тот псих. Он включил приёмник.

– Выключи, – строго сказал Шуруп.

– Не любишь музыку?

– Не люблю шума.

Амбал выключил.

– Клапана стучат, – сказал он.

– Не твоё дело, – грубо оборвал его Шуруп.

– Нервничаешь? Это без привычки. Ничего, втянешься.

– Я всякую лажу за версту чую, – ответил Шуруп.

– Это нервы, Шуруп. Дело чистое. Никакой мокрухи. Поставим «газель», пересядем в жигулёнок – и все дела.

– Увидим, – ответил Шуруп.

У него было дурное предчувствие. Он тяжело привыкал к свободе и, если бы не подруга, на которой решил жениться, на дело бы не пошёл. Денег хотел добыть на свадьбу, чтоб всё было как у людей. После собирался завязать, да не вышло – втянулся. Невеста работала официанткой в кафе. Накануне Шуруп заехал вроде как попрощаться.

– На хрен деньги, на хрен всё, если тебя не будет.

Она взяла его за руки и стала целовать.

– Ладно тебе...

– Боюсь... А если убьют? – спросила.

Шуруп только плечами пожал.

– А я что?

– Не ходи...

– Вообще, что ли?

Шуруп обнял девушку. Она заплакала.

– Люблю тебя...

– Я тоже, – согласился Шуруп.

– Только б не убили...

Он остановил машину, где показал Амбал, и выключил двигатель. «Жигули» Ахундова остановились неподалёку.

«Хрен с вами, – подумал про себя и вспомнил слова невесты, – только б не убили».

Ночь была светлая. Полная луна подрагивала в потоках тёплого воздуха, поднимавшегося от нагретого за день асфальта.

В придорожном лесу, в густом кустарнике, притаился человек. На нём была военная полевая форма, в руках – ружьё с оптическим прицелом ночного видения.

– Вижу их, – сказал он тихо.

– Ждём, – ответили.

Крутой сидел в чёрной «Волге», припаркованной неподалёку на лесной дороге. Он видел, как Ахундов и шофёр вышли из машины и направились к грузовику. Шуруп и Амбал открыли борт грузовика. Ахундов влез в кузов и стал проверять наличие груза. Рядом стоял шофёр. Он держал руку в оттопыренном кармане.

В это время со стороны леса человек в маске и камуфляже подкрался к «жигулям» и прикрепил под днище бензобака

дистанционную мину.

– Чего там возишься? – спросил Шуруп Ахундова.

– Заткнись, ишяк, – неожиданно оборвал его шофёр Ахундова.

– Слышь, брат, у нас регламент. Сами потом будете отвечать, если что-то не состыкуется, – миролюбиво ответил Амбал.

Ахундов наконец вылез из кузова и пошёл к остановке автобуса. Там он позвонил из таксофона Скороходову.

Скороходов сидел как на иголках. Он нервничал. Звонок заставил его вздрогнуть. Он снял трубку.

– Всё в порядке, дядя, – сказал Ахундов. – Не поминай лихом.

– Счастливого пути, – ответил Скороходов.

Он положил трубку и прошёлся по комнате в танце.

– «Ещё немножко, ещё чуть-чуть»... – напевал он.

Из шкафа достал бутылку коньяка и налил.

Вся эта канитель проваландалась ещё с минуту. Амбал позвонил Симпе, а Симпа перезвонил Скороходову. Дело, как говорится, было в шляпе. Скороходов плюхнулся в кресло.

– Я это сделал! – сказал он и опрокинул рюмку коньяка.

Зазвонил телефон. Это был незапланированный звонок. Кто-то знал, что он дома, и настойчиво звонил.

«Кто? Кто это может быть?» – спрашивал себя Скороходов.

Он, наконец, решился и снял трубку.

– Да, дорогая, слушаю тебя, – сказал он.

– Как ты узнал, что это я? – раздался в трубке ласковый голос жены.

– Почувствовал, дорогая.

– Почему так долго не подходил?

– Я занят.

– Что ты делаешь?

– Я в ванной.

– Ты принимаешь ванну?

– Сейчас я стою мокрыми ногами на твоём ковре.

– О нет, иди обратно. Я позвонила, потому что соскучилась. Мне надоело здесь одной. Завтра я возвращаюсь обратно.

– Хорошо, встречу тебя, как обычно, у первого вагона.

Скороходов положил трубку.

– Так, – повторил он вслух, – на кухне включить, погасить, в комнате...

От волнения он путал инструкции. Ощупью стал пробираться на кухню. По дороге за что-то зацепился и выругался.

– На кухне включить, – повторил он ещё раз и включил свет.

Шляпник дежурил у дома Скороходова. Он увидел, как зажёгся свет на кухне. Это был сигнал. Он вышел из машины и пошёл к подъезду.

В Измайлово, на Центральной аллее, Шуруп обменялся с шофёром Ахундова ключами.

– Брат, как почувствуешь, что мы исчезли, начинай движение, – сказал Амбал шофёру. – Счастливого пути.

Амбал и Шуруп сели в «жигули». Шуруп ударил по газам, и машина сорвалась с места.

Ахундов и шофёр забрались в кабину грузовика и стали ждать.

Шуруп выжимал педаль до отказа. Машина редела, набирая скорость.

– Как менты носят такую неудобную форму? – спросил Амбал.

Он снял фуражку и расстегнул пуговицу на рубашке.

– А ты боялся, Шуруп, – сказал Амбал. – Вот и всё.

Подрыв «жигулей» и выстрел снайпера произошли почти синхронно. Шофёр Ахундова не успел даже вскрикнуть. Пуля вошла ему сбоку в череп. Яркий свет, словно огромный белый шар, разорвался в голове. Ахундов увидел на горизонте свет от взрыва автомобиля, последнее видение в своей жизни. Упавшая на грудь голова шофёра открыла висок Ахундова, туда вошла вторая пуля снайпера.

Глава пятая

о том, как следаки напали на след краденной кожи, но труп в ванной, жёлто-зелёный костюм и синюю шляпу к делу не пришьёшь. О том, как лось едва не пострадал от бандитской пули, как большую, казалось бы, дружбу перевесили девять граммов свинца

1

Жена Скороходова вернулась утренней электричкой. У неё было нехорошее предчувствие. Муж обычно встречал у первого вагона с цветами. Мужа на месте не было. На при вокзальной площади позвонила из таксофона. Никто не ответил. Совсем расстроенная, она взяла такси и отправилась домой. Дверь был закрыта изнутри на защёлку. Жена повернула ключ и вошла.

– Пусик, ты здесь?

Она вошла в спальню, потом в гостиную, заглянула в кабинет и на кухню. Мужа нигде не было. Тогда она открыла дверь в ванную комнату и так закричала, что сосед по лестничной площадке клялся следователю Мухинасу, что «не забудет этот крик до конца своих дней». Когда приехал Юрьев, в квартире работала следственная бригада.

– Где жена? – спросил он Басова.

– Её увезла скорая, Сергей Николаевич, – доложил Басов.

– Плохо, нехорошо, неправильно, – стал высказываться Юрьев.

– Бесплезно с ней разговаривать, Сергей Николаевич, она в шоке. Наш врач её осматривал и сказал, что с ней можно будет поговорить дня через три, не раньше.

– Я врача допрашивать начну, если её к завтрашнему дню не приведут в чувство. Это ещё кто? – спросил Юрьев, указывая на соседа.

– Сосед по лестничной площадке, – сказал Басов.

– Я этот крик её, клянусь мамой, блин, до конца дней своих буду помнить, – затараторил сосед.

Юрьев вошёл в ванную. Ванна была доверху заполнена водой, в ней лежало тело Скороходова.

– И что? – спросил Юрьев.

– Ничего не трогали, ждали вас, – ответил Басов.

– Мне на память с ним сфотографироваться? – спросил сердито Юрьев.

Он был сильно не в духе, его всё раздражало.

– Момент, Сергей Николаевич, мы не задержим, – отозвался криминалист.

– Зачем ты меня сюда вызвал? – обратился Юрьев к Басову.

– Я, Сергей Николаевич, хотел проверить одно предположение, с вашего разрешения, разумеется.

– Ну и проверял бы.

– Хотелось иметь ваше твёрдое мнение на это дело.

– Так, Басов, вместо того чтобы пить кофе в кабинете, мы здесь, над трупом, неизвестно о чём рассуждаем.

– Два трупа на Центральной аллее как раз имеют отношение к настоящему событию. Точнее, один из убитых проживал в гостинице «Измайловская» и имел контакты со Скороходовым. Я навёл справки. Очень крупный бизнесмен из Татарии. Занимался пошивом одежды из кожи. При нём, я не исключаю, была значительная сумма.

– Опять кожа?

– След нашей кожи, Сергей Николаевич. У меня такое впечатление, что Скороходова убили, – глубокомысленно заключил Басов.

– Ты, Басов, слишком впечатлительный, – ответил Юрьев так, словно речь шла об открытии на небе Большой Медведицы. – Дождись результатов экспертизы. Покопайся в этом деле. А я в управление.

– Есть.

– Басов! Не говори «есть».

– Понял.

– И «понял» не говори.

– Виноват, Сергей Николаевич, понял.

Юрьев только рукой махнул.

Жизнь в управлении шла своим чередом. Ничего необычного. Будничные лица оперативников, затравленные взоры

свидетелей. Появление экстравагантной женщины в «жёлто-зелёном» костюме и синей шляпке, понятно, вызывало интерес. Многие оборачивались и смотрели ей вслед. У Юрьева дама возбудила особенное любопытство, так как она вышла из кабинета следователя Мухинаса. Юрьев любил немедленно, что называется, походя, получать информацию. Вот и сейчас он сразу направился к «открытому источнику». Иначе говоря, он намеревался из первых рук узнать, с какой целью красавица посетила кабинет Семёна Мухинаса.

– Извините, пожалуйста, вы сейчас были у Семёна Михайловича? – спросил Юрьев у женщины.

Женщина не ответила. Она даже не взглянула на Юрьева, так что тому пришлось резко развернуться и поторопиться вслед за ней, чтобы не отстать.

– Мне назначено к нему. Как, по-вашему, у него настроение? – спросил Юрьев.

– От тебя, парень, ментом за километр отдаёт, – ответила женщина.

– Это такой дезодорант, – парировал Юрьев.

– Отстань, – сказала она.

– Понял! – ответил Юрьев.

Он внезапно остановился и на мгновение закрыл глаза.

Перед ним возникло лицо Басова.

– Не говори «понял!»! – заорал на него Басов таким голосом, который напомнил Юрьеву его собственный, когда он одёргивал парня глупыми замечаниями. Зло и непримири-

мо. Не по-доброму, и он понял, как это трудно – не говорить того, о чём тебя просят. Поэтому когда Андрей вернулся в управление, Юрьев, испытывая мимолётное угрызение совести, попытался свою вину перед напарником загладить.

– Андрей... – сказал Юрьев и приобнял Басова за плечи.

«Будет просить денег – дам только трёшку», – подумал Басов.

– Ты на меня обижаешься? – спросил Юрьев.

– Нет, Сергей Николаевич. А за что?

– Иногда я бываю с тобой грубоват.

– Да, нет, Сергей Николаевич. А что?

– Значит, не обижаешься?

– Нет, не обижаюсь. А что?

– Ничего! – сказал Юрьев и отдернул руку. – Ты не замечал, Басов, что люди иногда как собаки: ты собираешься её погладить, а она готовится тебя укусить.

– Замечал, Сергей Николаевич, – ответил Басов.

Откровенного разговора не получилось. Юрьев решил переменить тему.

– Тогда объясни мне, Андрей, почему это все хозяева собак похожи на своих любимцев?

– Потому что собаки живут вместе с хозяевами в одном жилище. Хозяева перенимают свойства животного в силу чрезвычайной способности человека к переимчивости и восприятию всего дурного. Нередко можно видеть, как жильё некоторых любителей собак превращается в конуру, чего,

кстати, никогда не случается у собак. Их конура никогда не похожа на человеческое жильё.

– Да? – спросил сбитый с толку Юрьев.

– У вас есть собака?

– Нет.

– И правильно, место собаки в конуре. Сергей Николаевич, у меня хорошие новости. На трупах в Центральной аллее обнаружены документы на имя Мелкова по кличке Шуруп и Серёгина по кличке Амбал. Оба из банды Симпы.

– Иногда, Басов, ты излагаешь так, что заслушаешься, – обрадовался Юрьев.

В кабинет заглянул криминалист.

– Разрешите, Сергей Николаевич?

– Заходи, ждём, – сказал Юрьев.

– Я по поводу Скороходова... – начал криминалист.

– Говори коротко и быстро, потому что я, Басов и кое-кто ещё ждём одного только тебя, – сказал Юрьев.

Оба следователя смотрели на него во все глаза так, словно натёрли их шерстянкой и у каждого теперь, как минимум, по двенадцать вольт.

– Это убийство, несомненно, – сказал он.

– Ты хочешь сказать, что Скороходова убили? – уточнил Юрьев.

– Именно это я утверждаю.

Криминалист хотел ещё что-то сказать, но Юрьев не дал.

– Прости, это всё, что я хотел услышать. Передай бумаги

Басову, и больше я тебя не задерживаю.

– Сергей Николаевич, я хотел бы забросить информацию к размышлению, – продолжал криминалист.

– Забрасывай, – ответил Юрьев.

– Самоубийство кем-то весьма тонко инсценировано. Второе, убийца был свой человек. Жертва от него не таилась. Тому есть множество подтверждений.

– Спасибо, это важно, – прервал Юрьев.

Он достал из кармана ключи и стал открывать сейф. Криминалист передал Басову заключение экспертизы и вышел.

– Я сразу подумал, что это убийство, – выпалил Басов, как только дверь за криминалистом закрылась.

– Почему? – спросил Юрьев.

– Тот, кто не смог получить кожу, взял деньги, – сказал Басов.

– Если исходить из того, что украл Симпа, посредником в деле мог быть Скороходов, – продолжил Юрьев. – Тогда должен быть и третий, кто знал о плане Симпы и Скороходова.

– Это мог быть кто-то из своих.

– Мыслишь правильно.

– Симпу мог выдать кто-нибудь из окружения. Скороходов мог выследить Крутой.

– Дальше, – сказал Юрьев.

Он достал из сейфа пистолет и пристегнул портативную кобуру.

– Симпа не убивал, так как он и так бы получил деньги. Кожа-то у него.

– Логично, – сказал Юрьев.

Он достал кобуру для напарника.

От запаха кожи Андрея охватил трепет.

– Допускаю, что Крутой убил и взял деньги, – вдохновенно продолжил он.

– Исключено, – сказал Юрьев, – деньги забрал «свой».

Скороходов не таился, так показала экспертиза.

– Тогда Симпа? – спросил Андрей.

– Зачем?

– Мог убить Симпа, если у него нет больше кожи, – неуверенно заключил Андрей.

– Стоп! – сказал Юрьев. – Здесь кроется загадка. Симпа украл кожу и хочет продать Скороходову. Крутой стремится вернуть кожу. Он хочет отнять её у Симпы. Скороходов убит. У кого осталась кожа?

– Чтобы узнать, надо найти убийцу Скороходова, – сказал Андрей.

– Это уже известно. Некто «третий», кому был известен план Симпы и Скороходова.

– Значит, убийца в одной из банд?

– Вероятней всего. Вот тебе загадка, Басов: у кого кожа?

– Не знаю, – твёрдо ответил Андрей.

Юрьев достал из сейфа небольшой кейс и положил туда две пары наручников.

– Сотрудник, помни: «Следователь может и не знать, но догадываться обязан», – сказал Юрьев и вручил Басову кейс.

– Мы идём брать убийцу? – спросил Андрей.

– Мы идём обедать в кооперативный ресторан.

Юрьев протянул Андрею пистолет и набрал номер телефона.

– Хочешь, Сеня, увидеть кожу живьём? – спросил он Мухинаса.

– Хочу, конечно, – откликнулся Мухинас.

– Только посмотреть, за большее не ручаюсь.

– Мне хоть бы и во сне их увидеть.

– Ну, так ты присоединяйся к нам с Басовым.

– А вы где?

– Мы едем обедать в ресторан «Ива». Ждём тебя. Кстати, прихвати с собой кого-нибудь из ребят.

Он положил трубку и продолжил неоконченный разговор.

– Запомни, Басов, причина не всегда влечёт за собой следствие. Ты продолжаешь тянуть за нитку, а надо бы хватать весь клубок. В нашем случае убийство не есть причина, а сразу следствие. Сообразил?

– Нет.

– Убийство совершено не из-за денег, а вследствие пропажи шкур. Тут приложил руку «некто третий».

– Кто это может быть?

– Кто был посвящён в детали плана ограбления базы. Но как интересно «некто» нам подсказывает: «у кого кожа, на

том и подозрение в убийстве». Нас словно подталкивают к мысли, что если Симпа не убивал, то и не он обладатель кожи.

– «Некто» наводит нас на мысль о том, что убийца Крутой?

– Соображаешь, Басов, во всяком случае, так может показаться, потому что на ком подозрение в убийстве, у того и кожа.

– Значит, кожа у Крутого, но это вовсе не значит, что он убийца Скороходова?

– Это, Басов, ты точно сформулировал.

– Кто же убийца?

– У кого сейчас деньги Скороходова, – подмигнул Юрьев Андрею.

2

Поезд остановился на станции метро «Курская»-кольцевая. Два потока пассажиров, словно две армии, атаковали друг друга на платформе. Массы людей рассеялись по вестибюлю, создавая толкучку у перехода и на лестницах.

Эскалатор, загребая снизу, неустанно поднимал наверх человеческую породу. Те, что забивались в вагоны, получали временную передышку. Здесь, в тесноте и духоте, они готовились к следующему броску.

«Следующая станция „Комсомольская“», – торжественно

объявил по радио сладкий баритон, как будто хотел сказать, что на этой «Комсомольской» уж точно всех ждёт передышка.

Двери закрылись. Поезд тронулся.

В такой вот обстановке, стиснутый со всех сторон, придавленный и смятый, ехал проклятие кооператоров и спекулянтов, гроза проституток и сутенёров, новейший городской «герой», бандит Николай Симпатин по кличке Симпа. В метро Симпу занесли обстоятельства, которых он предпочёл бы не афишировать. Объект его интереса располагался в соседнем вагоне, Симпа наблюдал за ним через стекло. В вагоне было ужасно тесно. Немолодая полная женщина страдала отдышкой, «объект» видимо её достал, и она пихнула его локтем в бок.

– Мужчина, уберите рюкзак, прямо на ноге стоит.

Мужик просьбе не внял. Женщина снова его толкнула. Мужик ответил.

– Не надо распускать руки, – обиделась женщина, – у меня сердце больное. И без вас с утра ноет.

Она повернула голову, решив укорить мужика возмущённым взглядом, и вдруг осеклась. Мужик стоял к ней боком. Он был в очках, так что лица она не разглядела. Однако её внимание привлекли усы и чёрные волосы, выбивавшиеся из-под рыжего парика, который прикрывала серая кепка. Присмотревшись, женщина обнаружила, что усы на мужике не настоящие, а искусно подклеены. Капельки пота на верхней

губе растворили клей, и самый кончик уса незаметно отслоился. Женщина не испугалась, а по-деловому рассудила, что мужик себе на уме и лучше его не цеплять.

– Ничего, – сказала она, тяжело вздыхая, – как-нибудь доедем.

Обещанная «Комсомольская» всосала выдавленную на платформу партию граждан. Они стали разбегаться по залу величественного пантеона с героической мозаикой на потолке. Симпа продвигался в тесной толпе к эскалатору. Мужик оказался проворнее. Он уже стоял на эскалаторе, держась за лямки потёртого рюкзака. Выйдя из метро на площадь Трёх вокзалов, он направился к пригородным кассам Ленинградского. Симпа держался того же курса. Он был как все и ничем не выделялся из толпы граждан. Купил билет, закурил и не спеша направился к электричке. Только наблюдательный глаз мог определить, что лысеющий блондин в зелёном плаще и с тяжёлой сумкой через плечо увязался за мужиком с рюкзаком и фальшивыми усиками не просто так, а конкретно «сел на хвост».

Басов держался на дистанции и едва поспевал за манёврами Юрьева. Тот уверенно шёл по тёмному коридору, будто ему всё здесь было хорошо знакомо. Охранник, сидевший у дверей, увидел Юрьева и попытался встать, когда тот, словно ястреб, взметнулся над ним. Басов видел, что Юрьев намеревался ударить охранника в голову, но в последний момент,

когда тот в панике закрыл лицо руками, сжалился, изменил направление и ударил пяткой в плечо. Охранник рухнул на пол. Юрьев сел на него верхом и надавил коленом на грудь.

– Ты оказал сопротивление следственной группе, – сказал он.

– Я только встать хотел, начальник, – возмутился охранник.

– Чтобы меня поприветствовать?

– Уважение оказать в элементе, – сказал он.

– Хорошо, в суде это тебе зачтётся.

Он вытащил у охранника торчащий за поясом пистолет и передал Басову.

– В кармане заявление о том, что ствол я нашёл и как раз шёл сдавать. Возьмите сами, пожалуйста.

Юрьев вытащил из кармана охранника бумагу. Встал и прочитал.

– Бумага просрочена, – сказал он, передавая листок напарнику.

– Где? – возмутился бандит.

– Басов, посмотри.

Басов взял бумагу, смял и бросил.

– Не знаю, не помню, куда задевалась твоя бумажка, – сказал он.

– Как?! – возмутился охранник.

– Сколько всего людей в ресторане? – спросил Юрьев.

– Двое на улице в машине. Здесь я один.

– Ты молодец, я замолвлю словечко прокурору. Где Крутой?

– Здесь, – сказал охранник и показал на дверь.

– Басов, ты проверил дату на заявлении? – спросил Юрьев.

Андрей поднял и расправил бумажку.

– Число правильное и подпись стоит, как положено.

– Ладно, надень на него браслеты, – сказал Юрьев.

Охранник сам протянул руки. Басов благополучно его «окольцевал».

– Ты повернись, дружок, к стене и постой так. Садиться не предлагаю, надеюсь, ты на меня за это не обидишься. Будешь стоять тихо, может, и обойдётся, – сказал Юрьев.

Бандит закивал, мол, согласен, только бы обошлось.

– Открой дверь, – сказал Юрьев Басову.

Тот открыл дверь с табличкой «Служебное помещение».

Крутой рассказывал что-то директору базы Самохину и его племяннику директору ресторана Денису Радину.

Увидев Юрьева, он поморщился, будто ему наступили на старую мозоль.

– Стой, где стоишь, Крутой! Шаг влево, шаг вправо, и я выстрелю, – сказал Юрьев.

– К чему такие крайности, Юрьев? – спроси Крутой.

– Я не чаял тебя здесь встретить, но раз так случилось, повернись к стене, подними руки и раздвинь пошире ноги. Басов тебя обыщет.

Крутой сделал, как просили. Басов его обыскал. Юрьеву хотелось, чтобы в карманах Крутого нашёлся хотя бы остро заточенный карандаш. Но Андрей, как ни старался, ничего не нашёл. Юрьев отвёл Басова в сторону.

– Басов, иди в зал и дожидайся Семёна. С теми двумя на улице разбирайтесь тихо. Помни, кругом люди. Как хотите, но чтоб я ни одного выстрела не услышал.

– Постараюсь, – ответил Андрей.

– Не «постараюсь», а сделаю, Басов.

– Есть, – ответил Андрей.

– Жаль, ты не картёжник, Крутой, – продолжил Юрьев, когда дверь за Басовым закрылась. – Ты не можешь ощутить того трепетного кайфа, когда сдвигаешь уголки и смотришь в карты. От того, что откроется, зависит дальнейшая игра. Я вот сейчас приоткрою один уголок, и, быть может, решится вся твоя дальнейшая жизнь.

Юрьев, едва вошёл, сразу заметил в углу нечто, прикрытое брезентом. Сейчас, глядя на мертвенно-бледного директора, он схватился за край этого брезента и отбросил в сторону. Под ним, упакованные прозрачной плёнкой, аккуратно сложенные, залегли тёмно-коричневые пласты злополучной кожи.

– Вот они где! – сказал Юрьев. – Говорил я вам, Михаил Алексеевич, что найдётся кожа. Вы, помнится мне, не поверили и даже обиделись.

– Уверяю вас, что тогда, на тот момент, я понятия не

имел... – начал было объяснять директор.

Но Юрьев перебил. Он завёлся. Его понесло, и остановить уже было трудно.

– Верю вам. «Из ядущего вышло ядомое, и из сильного вышло сладкое», – процитировал он из Библии. – Помните, загадал Самсон загадку филистимлянам, а невеста выведала у него ответ и предала. «Теперь я буду прав перед филистимлянами, если сделаю им зло», – сказал Самсон. К той трагической краже на базе вы, разумеется, не причастны, и во втором, так сказать, похищении не участвовали, но теперь, когда дело обрело иное значение, психологически окрасилось по-иному, вы примкнули к бандитам не без убеждений, с известной долей риска, разумеется.

– Нет! – попытался возразить директор.

– Да! – перебил Юрьев. – Когда кожа исчезла со склада, вы заколебались, а когда Крутой вернул её, вы уверовали. Пройдя такой сложный путь, кожа перестала быть чей-то собственностью и превратилась в товар. Одновременно кожа обесценилась и подскочила в цене, потому что стала «ничья». И тогда вы сказали: «Теперь я буду прав перед законом, если нарушу его».

Директор встал. Он хотел что-то сказать, но не нашёл слов, сел, схватившись за голову.

– Боже мой! – застонал он.

– Заткнись! – закричал на него Крутой. – Он блефует, не видишь! У него ничего нет!

Крутой стоял, всё ещё упираясь руками в стену, широко расставив ноги.

– Я здесь неофициально, Крутой, – сказал Юрьев. – Хочешь поговорить – садись. А то стоишь раком, смотреть на тебя противно.

Басов сел за столик у окна, чтобы наблюдать за бандитами в машине. Подошёл молоденький официант принять заказ.

– Слушаю вас, – разлюбезно вымолвил он.

– Что бы вы могли мне предложить? – спросил Андрей.

– Закусить? – кокетливо спросил официант.

Он облизнул губки и стрельнул глазками по сторонам.

Басов разглядел у парня подкрашенные ресницы и под глазами тонкую голубую подводку.

На стоянку въехала оперативная «Волга», которая привезла Семёна Мухинаса и двух крепких оперов.

– Что-нибудь на ваше усмотрение, – ответил Андрей.

Он встал из-за стола и пошёл встречать Семёна. Бандиты Лысый и Глаз вышли из машины и пошли следом за операми.

– За нами двое, – сказал Коля.

– Вижу, – ответил Володя.

Семён увидел Андрея и хлопнул его по плечу, будто они на самом деле собирались здесь обедать.

– Где? – спросил Семён.

Он, как и Юрьев, чувствовал себя уверенно. Это немного успокоило Андрея.

– На складе. Вход через кухню, – ответил Андрей.

– Перекройте служебный коридор, – сказал он операм.
Семён прошёл через зал на кухню.

Опера не торопились. Они встали у зеркала и зачем-то стали поправлять причёски. Оба были аккуратно и модно подстрижены. Им нравились их причёски, и они не упускали момента покрасоваться перед зеркалом.

– Идите уже, – занервничал Андрей.

– Андрей, держись бодрей, – сказал опер.

– За вами «хвост», – сказал Андрей.

– А ты прикрывай, – отозвался другой.

Они пошли следом за Семёном.

Андрей поспешил вернуться к столику. Бандиты хорошо знали Басова, и он сел так, чтобы они его не разглядели. Официант всё ещё стоял у столика.

– Так что там у вас на первое, второе и третье? – спросил Андрей.

Официант иронично хмыкнул.

– Почки в «Мадейре» готовы, московская селяночка с осетринкой, скобляночка на сковородке, – погнал без паузы официант. – Из холодного – икорки паюсной, селёдочку подам, к ней картофель в мундире. У нас сегодня дежурит уха из налимов с гречкой, к ней расстегай, холодный поросёнок...

– Хорошо, теперь мне надо подумать, – сказал Андрей.

Он увидел, как бандиты прошли через зал и скрылись на кухне.

– Думайте, но недолго, – ответил официант и состроил глазки.

Он перешёл к соседнему столику, а Андрей пошёл на кухню вслед за бандитами. На его счастье, в коридоре перед кухней никого не было. Андрей достал пистолет.

Лысый, услышав за спиной шаги, обернулся.

– Стоять, Лысый! – скомандовал Андрей. – Не оборачиваться! Ты, Глаз, тоже тормози. Шаг влево, шаг вправо – стреляю!

Лысый и Глаз остановились. Глаз повернул-таки голову из чистого любопытства и наткнулся на ствол макарова, который подставил ему опер.

– Не верти головой, тебя просили, – сказал он бандиту.

– Повернись к стене, Глаз, подними руки и раздвинь шире ноги. Он тебя обыщет, – сказал Басов, кивнув оперу.

Он в точности копировал Юрьева, и опера это оценили, перемигнувшись, мол, «даёт молодой».

– В наручники обоих, – скомандовал Басов.

Он открыл дверь на склад, где шёл допрос Крутого и директора Самохина.

Семён Мухинас как раз собирался задать вопрос директору. Вошедший Басов его отвлёк. Юрьев посмотрел на сияющего Андрея и одобрительно кивнул.

– Михаил Алексеевич, – обратился Семён к директору, – у меня к вам последний вопрос. Постарайтесь на него ответить чётко и внятно. Это в ваших интересах. Кожа, которую вы

здесь видите, не является ли той самой кожей, что исчезла с государственного склада в ночь ограбления?

– Я буду отвечать на вопросы только после встречи с адвокатом, – заявил директор.

– Это ваше право, – вмешался Юрьев. – Но пока будет проведена экспертиза, а продлится она... – Юрьев посмотрел на Семёна.

– Дня два, – уточнил Семён.

– Не считая сегодняшнего. То есть до получения результатов экспертизы я задержу вас по подозрению в сокрытии краденого государственного имущества на четыре дня. Ресторан всё это время, понятно, будет закрыт.

– При чём здесь ресторан? – возмутился Денис Радин.

– Наивная душа, бери бумагу, садись и пиши о том, как кожа попала на склад твоего ресторана, – сказал Юрьев.

– Я не знаю!

– Так и пиши – «не знаю».

– Я протестую против задержания, – сказал директор.

– Михаил Алексеевич, вам лучше провести ночь в Бутырке, чем в своей постели. Это для вашей безопасности, поверьте. Тебя, Крутой, я не задерживаю. Ты даже мог бы считать себя свободным, но я подозреваю тебя в убийстве четырёх человек и краже государственной собственности.

– Ты с ума сошёл, Юрьев! – возмутился Крутой. – Считаю, что ты уволен.

Он так близко подошёл к Юрьеву, что тот не сдержался и

схватил его рукой за лицо, вдавив пальцами щёки.

– Ты Крутой, но я тоже не пальцем сделан. Если я пришёл – значит, пришёл, – прошипел он в лицо бандиту.

– Ничего не докажешь, идиот, – ответил Крутой.

– Я тебя сделал, ублюдок. На тебе четыре трупа, и от вышки ты спасёшься, если только назовёшь убийцу Скороходова. Но ты ведь не знаешь, кто убил? Что вылупился? Не знаешь, что убили Скороходова? Ну, да – не знаешь. Так я тебе говорю: Скороходова убили. Кто убил, я не знаю, но когда найду убийцу, он сам расскажет, как эта кожа у тебя оказалась. В наручники его, Басов.

Басов молниеносно накинул на руки Крутому наручники.

– Тварь, – сказал Крутой.

– Баран, – спокойно ответил Юрьев, выдерживая наглый бандитский взгляд.

Арестованных повели через кухню, где столпились изумлённые сотрудники ресторана. Андрей замыкал шествие. Он подозвал официанта и спросил:

– Скажи мне откровенно, у вас теперь что, все «такие» ребята?

Парень повёл глазками и подбил на голове «химию».

– Такого нигде не найдёшь, – сказал он и приблизился к Андрею. – Ты, мусорок, ничего. У вас теперь много таких? – поинтересовался он в свою очередь.

– Тьфу на тебя, – сказал Андрей.

Он плюнул парню под ноги и бросился догонять своих.

Электричка остановилась за городом вблизи небольшой деревни. По другую сторону железной дороги расположился дачный посёлок. Толпы горожан вывалили на платформу с различным огородным инвентарём и сумками, набитыми продуктами. Деревенские были в меньшинстве, и сумки с продовольствием у них были скромнее. Деревенские двинулись в деревню, а городские потянулись через мост к своим «щитовым хибаркам». В малочисленную деревенскую когорту вплёлся мужик с рюкзаком. Симпа задержался у расписания поездов. Он больше не торопился. Мужик, наоборот, приободрился. От вялой и неспешной походки ничего не осталось. То ли местный воздух на него так подействовал, то ли ещё что, только он выпрямился, подтянулся и двинул, что называется, на всех парах. Симпа закурил, давая мужику как следует оторваться. Когда на платформе никого почти не осталось, пошёл в сторону деревни из пятнадцати или двадцати дворов. Мужик с рюкзаком вошёл во двор одного из домов.

– Женька Перов, что ль, приехал? – спросил соседский мужик другого.

Его дом стоял неподалёку.

– Да навроде Женька брунэт, а той рыжий.

– Ага, и усы. А Женька безусый.

– Усы взял, да и отрастил.

– Ага, отрастил, рыжие...

– Вечер ужо, пойдём проведедем, так и узнаем.

Симпа свернул с протоптанной дорожки, ведущей в деревню, и пошёл через поляну в сторону соседнего леса. Здесь он достал из сумки диковинный бинокль, какой не то что местные, городские никогда не видели. Вещь насквозь электронная и такого пронизательного свойства, что только через стены не глядела. Симпа навёл бинокль на окна дома, где скрылся мужик с рюкзаком, и стал свидетелем неприглядного разоблачения мужика перед зеркалом. Видимость была такая, словно бы у него это под самым носом происходило. Местных мужиков зрелище такое изрядно бы смутило. Даже у Симпы маскарад этот вызвал удивление, когда Женька Перов, стоя перед зеркалом, снял с головы парик, содрал усы, и под ними обнаружился Шляпник.

Симпа спрятал бинокль в сумку, закурил и стал ждать. Рядом с ним что-то вдруг зашелестело, затрещало, будто начало падать срубленное дерево. Симпа съёжился и обернулся на шум. Шагах в десяти от него стоял лось. Это был взрослый самец центнера четыре весом. Вид у него был миролюбивый. Он, надо думать, вышел не нападать, а только покрасоваться. Он стоял с гордо поднятой головой и смотрел на Симпу. Симпа разозлился на лося. Ему захотелось выместить ненависть к Шляпнику на мордастом и самодовольном животном. Он достал из сумки более диковинную, чем бинокль, «штукенцию», взвёл затвор и вставил туда патрон, по виду напоминавший миниатюрный бронебойный снаряд.

Стал дразнить и подманивать зверя. Лось разгадал в человеке затаившуюся смертельную опасность. Он вздохнул и шумно выдохнул. Симпа ослабился и показал фарфоровые зубы. Он зарычал на лося. Лось приподнял уши, прислушался. Неожиданно, словно не желая участвовать в сомнительном для себя единоборстве, зверь отступил за деревья и скрылся.

На крыльце дома появился Шляпник и запер дверь. Затем открыл гараж и выкатил оттуда «копейку». Ещё висело над дорогой облако пыли от удаляющейся машины, а Симпа уже вышел из укрытия и направился к дому. Он легко вскрыл отмычкой дверь и вошёл в дом. Оглядел жилище, со вкусом обустроенное, прошёлся по нему. Сундучок, стоявший в углу, отодвинул. Под ним приподнял несколько половиц, прикрывавших дверцу люка. Дверцу открыл и спустился в подполье. Там он включил свет и осмотрелся. Кругом было полно всякого добра, аккуратно сложенного и заботливо расставленного на стеллажах и полках. Понадобилось время, чтобы отыскать в стене сейф, тщательно замаскированный. Симпа зачем-то осмотрел замок и достал из сумки «штукенцию» с бронебойным зарядом. На широкий ствол навернул газо-шумовой поглотитель и взвёл затвор. Отошёл, сколько было возможно, и выстрелил. Взрыв был несильный, но дверь сейфа продырявило, как фанерный ящик.

В сейфе, кроме потёртого рюкзака, с которым носился Шляпник, ничего больше не было. Симпа развязал рюкзак и вынул из него кейс. Ножом отковырнул замок. В кейсе лежа-

ли зелёные пятидесятирублёвые купюры, заботливо уложенные покойным Скороходовым.

Поздно вечером Симпа приехал в бизнес-центр на Красной Пресне. С ним были Немой и Блин. Ступив под ажурный стеклянный свод, Симпа стал высматривать в тени искусственных деревьев проституток. Девушки приветливо ему улыбались.

Немой и Блин рассеялись по вестибюлю. Прошлись по кругу. Они кого-то искали, но не нашли.

– Пошли наверх, – сказал Симпа.

В ресторане «Бизнес-Клуб» их встретил и расшаркался мэтр. Он проводил их за свободный столик.

Внизу, возле самой эстрады, за столиком с двумя фирмачами сидела та, которую искал Симпа. Блин и Немой тоже заметили Таню. Они переглянулись. Симпа подозвал официанта. Он что-то сказал ему, и тот немедленно спустился вниз.

– Вас спрашивают, – тихо сказал официант.

Начиналось вечернее шоу. Таня не хотела уходить.

– Это нельзя отложить? – спросила она.

– Лучше подойти, – сказал официант.

Погас свет, заиграла музыка. Началось представление.

Таня вышла из ресторана и наткнулась взглядом на Симпу. Она прежде его не видела и приняла за обычного прилипалу, который хотел познакомиться.

– Ты меня ждёшь? – спросила она кокетливо.

«Ты» брошено было небрежно. Девушка держалась непринуждённо. Симпе это не понравилось. Он решил её слегка приструнить.

– Такая молодая, красивая девушка, но как печальны глаза, – заговорил Симпа. – На лице первые морщины. Этого, правда, ещё никто не замечает. Но я знаю, как непросто живётся стодолларовой проститутке.

Симпа сделал паузу, желая убедиться, что последние слова произвели на девушку должное впечатление.

Таня, не отводя глаз, смотрела на Симпу. Она знала, что надо выслушать его до конца и сделать так, как он скажет. Впервые в жизни ей стало отчего-то страшно. Она не находила объяснения своим чувствам, но точно знала, что перед ней стоит человек, от которого зависит её жизнь.

– О чём она думает, когда трахается в тайне от своей благополучной семьи и члена-корреспондента отца? – продолжал Симпа. – На что она надеется, когда обманывает Академию наук и население целой страны? Народ ждёт и не знает, что в надеждах своих обманут. Никто не знает, что вместо экономиста страна получит потрёпанную безмозглую шлюху.

– Что ты хочешь? – тихо спросила Таня.

– Где Шляпник? – спросил Симпа.

– Не знаю. Я его не видела два дня.

– Поссорились?

– Нет. Просто я ночевала дома.

– Пойдём, прогуляемся.

Симпа повёл её коридорами, какими-то служебными за-коулками. Отмычкой открыл дверь, и они оказались в тёмном дворе. Пересекли двор и вышли к дороге, где стояла машина. Таню бил озноб. От страха она мало что соображала.

На Смоленке остановились у таксофона.

– Знаешь, как найти его?

– Могу попробовать.

– Стоит попробовать, если не хочешь, чтобы я повесил тебя в этой телефонной будке.

– Ты не можешь меня так просто убить. Меня видели в ресторане. Я там не одна.

– Хорошо, тебя найдут в туалете ресторана. Так лучше?

Они вошли в кабину таксофона. Симпа достал монетку и опустил в телефон-автомат.

– Скажешь, что сейчас приедешь, – сказал Симпа. – Ну и там, почему вчера не приехала, если спросит. Больше ничего. Поняла? Если он что-нибудь заподозрит, я тебя прирежу прямо сейчас.

Таня набрала номер.

– Привет, это я, – сказала она. – В университете была, потом домой заехала. Ты соскучился? И я. Ты голодный? Приеду, что-нибудь приготовлю. Целую. Пока.

Она повесила трубку.

– Он ждёт.

Симпа остановил машину неподалёку от дома, где квартировал Шляпник. Он достал из багажника зелёный плащ и надел его поверх вечернего костюма.

– Ключи, – сказала Таня, протягивая дрожащей рукой ключи.

Симпа не ответил, а так посмотрел на девушку, словно хотел сказать, что ему, к сожалению, ей предложить нечего.

Лифт был занят. Кабина шла вниз. Там слышались детские голоса. Когда двери лифта открылись, два шкета лет по шести, растопырив пальцы, стали стрелять в Симпу из воображаемых пистолетов. Они выскочили из кабины и громко заспорили, кто из них первый убил «зелёного».

Симпа вошёл в лифт и нажал на кнопку пятого этажа. Достал пистолет, навернул на ствол глушитель. На пятом этаже вышел из лифта и позвонил в дверь. За ней послышался шорох. Симпа приставил пистолет к дверному глазку и выстрелил.

Пуля попала Шляпнику в глаз. Он был уже мертв, когда Симпа открыл дверь и вошёл. Он сделал контрольный выстрел из предосторожности, только чтобы убедиться, что Шляпник мёртв.

Глава шестая

о том, как японские часы Seiko загадочным образом появились на руке начальника и ещё одного следователя, о золотых серьгах в ушах подозреваемых, о череде трупов и о чашечке кофе «без сухарика»

1

На каталке, прикрытое простынёй, лежало тело. Медицинский эксперт отбросил простыню.

– Похож на Шляпника, – сказал Юрьев.

– Это он, Сергей Николаевич, – сказал эксперт. – Родные подтвердили. Мы уже готовим заключение.

– Что ещё, Басов? – спросил Юрьев.

– Тело обнаружила хозяйка квартиры, – сказал Басов. – Квартиру сняла молодая девушка. Зовут Таня. Странные у нас люди, Сергей Николаевич, хозяйка взяла вперёд четыреста рублей и даже фамилию не спросила.

Они вышли на улицу. Юрьев вдруг поинтересовался у Басова:

– Басов, почему ты не женат?

Андрей не сразу нашёлся что ответить.

– Не тянет меня пока на это поприще, товарищ командир.

– Потому что ты не можешь ясно выражать свои мысли. А

женщины любят ушами. Они со слов улавливают наши желания.

– Насчёт желаний у меня нет проблем. Здесь я мысли конкретно формулирую.

– Так, чтоб через час, Басов, максимум через два, девушка Таня была с фамилией.

– Есть у неё фамилия. Колосова Таня. Студентка МГУ.

– Если она действительно студентка.

– Сто процентов, Сергей Николаевич, отец член-корреспондент Академии наук.

– Найди её, Басов, и допроси. С ректором договорись, чтобы её на пару дней от занятий освободили. Девушке скажи, чтобы сегодня же уехала из города.

– А вы, Сергей Николаевич?

– Я в управление.

– Вы, Сергей Николаевич, почему не женаты?

– Потому что главным в браке считаю любовь. Чтобы жить рядом с человеком, надо его любить, Басов.

– Вы ведь развелись?

– Развёлся.

– Не любили?

– Любил...

– А жена вас?

– Любила.

– Так что же?

– Я с «формулировками задерживал», – улыбнулся

Юрьев.

Он достал из кармана трёшку и протянул Басову:

– Андрей, возьми такси.

– На метро быстрее, Сергей Николаевич.

Чёрная «Волга» неслась по резервной полосе. Таня взглянула на отца.

– Ты опять из-за меня опаздываешь?

– Я предупредил, что задерживаюсь, – ответил отец.

Он был благодушно настроен.

– Я разговаривал с деканом. Он тобой доволен.

– Это хорошо, папочка?

– Мама говорит, что ты целыми днями дома сидишь, занимаешься.

– Это разве плохо, папочка?

– Хочешь на каникулы куда-нибудь поехать?

– Хочу, папочка.

– В Болгарию, например?

– Да, папочка.

– Сегодня поедешь со мной на дачу?

– Конечно, папочка.

– Тогда заеду за тобой, как всегда, после лекций.

Таня поцеловала отца, вышла из машины и пошла по дороге к университетскому корпусу.

Неожиданно на дороге появились «жигули». Машина, набирая скорость, неслась на Таню. Девушка не успела обер-

нуться, как страшный удар настиг её.

2

В кабинете Мухинаса стоял запах фирменных сигарет. На столе лежала пачка Dunhill – редчайший дефицит той поры. На запястье следователя поблёскивали хромом новенькие Seiko. Японские часы и вовсе считались немыслимой роскошью. Юрьев подсел к столу.

– Сеня, я только что видел труп Шляпника, – сказал Юрьев, наблюдая за тем, как Мухинас потихоньку сдвигал рукав куртки, прикрывая часы на руке. – Кто-то идёт впереди нас и «выкашивает всё». Нельзя ли нам как-то подсуетиться, чтобы не отставать?

– Экспертиза дала заключение. Кожа идентична той, что пропала со склада на базе. Да это и без того ёжику было понятно, – равнодушно ответил Сёма.

– Это важно, Сеня. Ты молодец. Расскажешь это директору Самохину. Вызывай его на допрос.

Сеня сделал удивлённый вид.

– А некого вызывать, – ответил он.

– То есть?

– Директора вчера вечером из-под стражи освободили.

– Кто?

– Распоряжение начальства. Я думал, ты знаешь.

Секретарь подумала, что начался ураган, что ветром от-

крыло дверь, когда Юрьев влетел в приёмную подполковника Крутова. Она вскочила со своего места с намерением защищать позиции. Семён, сопровождавший Юрьева, подмигнул девушке, давая понять, что ей не по силам остановить разыгравшуюся стихию.

Юрьев без стука ворвался в кабинет. Крутов пил чай. Человек он был немолодой и нервный. Он вздрогнул от неожиданности и выронил баранку, которую собирался откусить.

– Кто отпустил директора базы? – поставил вопрос ребром Юрьев.

Крутов видел, с какой непритворной наглостью Юрьев попирает ковровую дорожку его кабинета, на которую не без трепета ступают его коллеги. Он решил на прямо поставленный вопрос не отвечать и начал издали.

– Я закрываю глаза на твои действия, Юрьев. Во всём иду у тебя на поводу. Ты делаешь, что хочешь. Тихо вьёшь из меня верёвки. Могу я за всё хотя бы избавлен быть от посещения адвокатов твоих подследственных, которых по-своему усмотрению ты оставляешь ночевать в тюрьме?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.